
ОГОНЁК
№ 1 ЯНВАРЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
С НОВЫМ
ГОДОМ!

ОНИ ВАМ ЗНАКОМЫ

Люди, с которыми наши корреспонденты встретились накануне Нового года, вам знакомы. Их имена вы встречали в газетах, о них рассказывали дикторы радио, на них наводили свои камеры телеоператоры. Словом, наше новогоднее интервью мы решили взять у знаменитостей прошлого года. Поскольку настроение у знаменитостей было хорошее, то и разговор получился веселый.

Вопросы мы задали всем одинаковые.

1

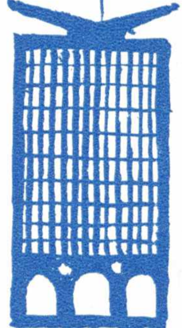
И. Г. Пустовой—заместитель начальника цеха Челябинского трубопрокатного завода.

2

Олимпийская чемпионка Зинаида Воронина.

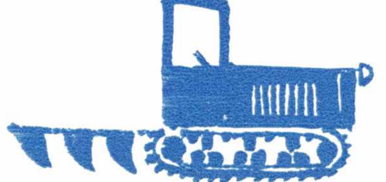

Лучший пахарь страны тракторист из Калининградской области Евгений Низовских.

3

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

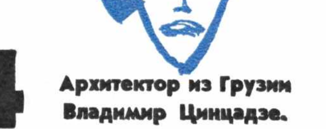
№ 1 (2166)

1 ЯНВАРЯ 1969

Основан 1 апреля 1923 года

Киноактриса Инна Чурикова.

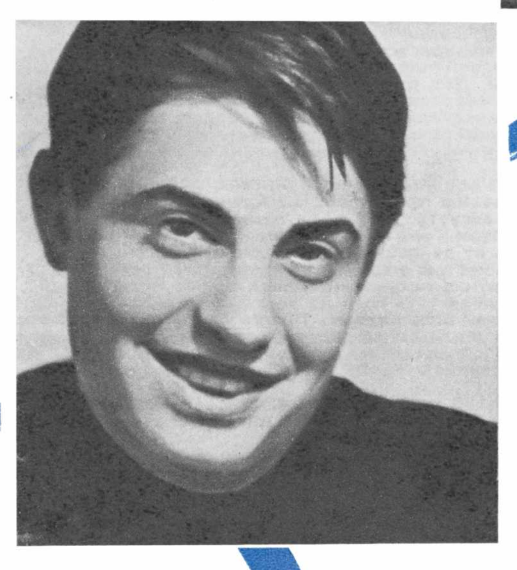

4

Архитектор из Грузии Владимир Цинцадзе.

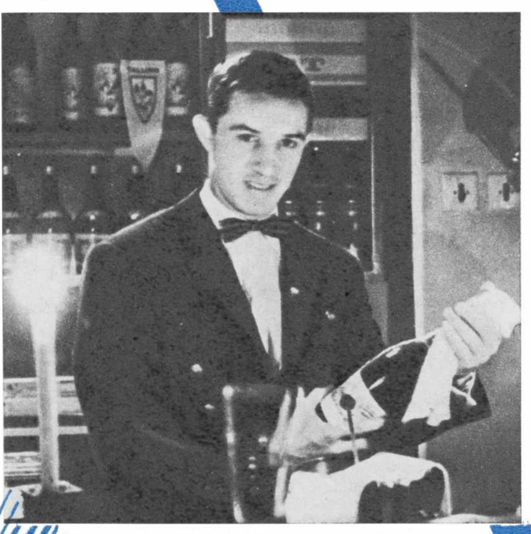
6

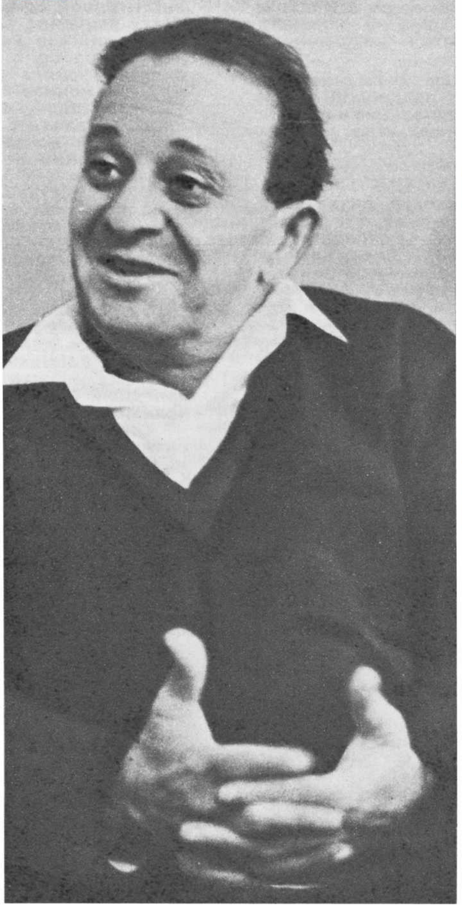
7

Член-корреспондент АН СССР А. И. Алиханян.

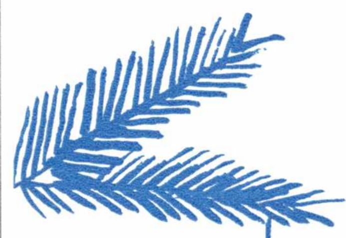
5

Бармен таллинского «Монетного бара» Дмитрий Демьянов.

«ОГОНЕК» СПРАШИВАЕТ:

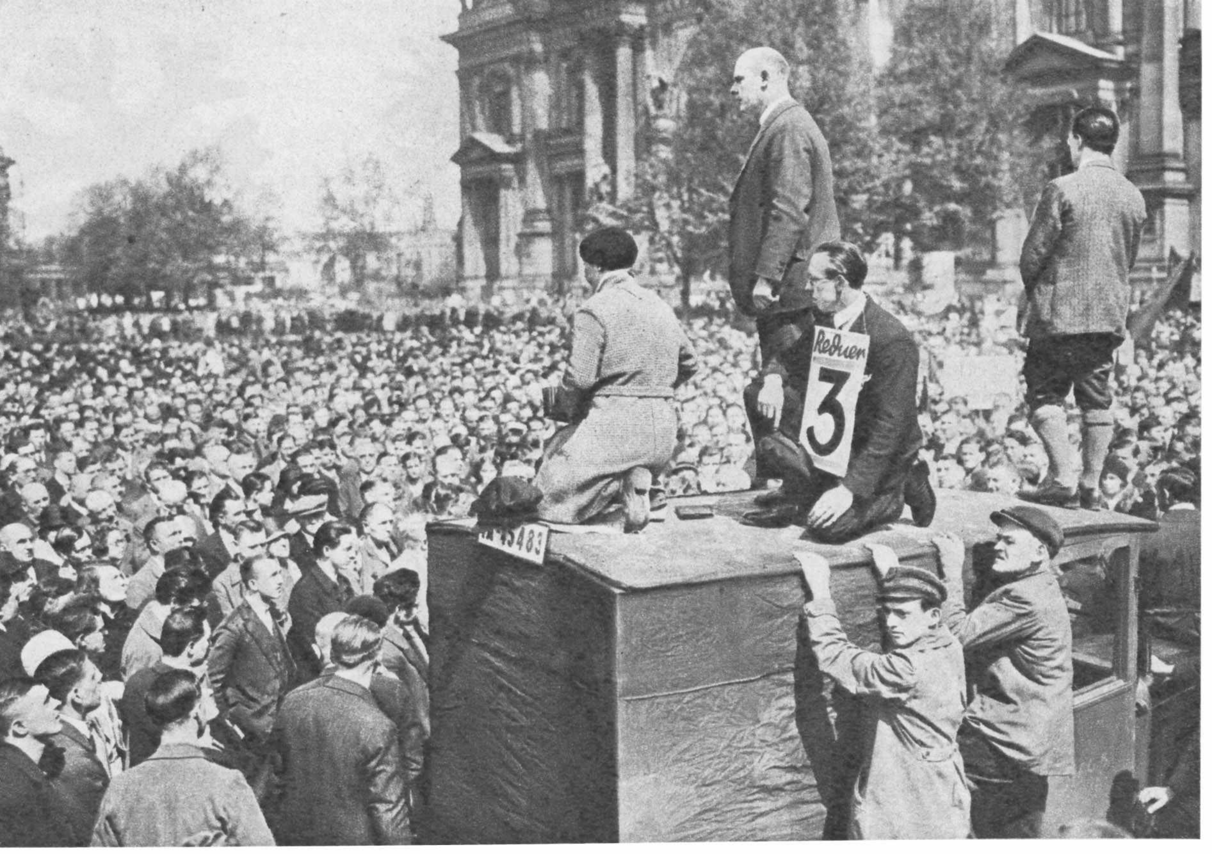

1. Поделитесь опытом, как стать знаменитым!
2. Не тяжко ли бремя славы?
3. Ваш тост за новогодним столом!
4. Вы стали знаменитым... А что дальше?
5. Интересно узнать, как чувствует себя знаменитость дома!

Допекали знаменитостей вопросами корреспонденты «Огонька» М. Баринов, А. Колодный, И. Месхи, Г. Сметанина, В. Тихомиров, Н. Храброва и М. Цебоев; заставляли позировать перед фотоаппаратами фоторепортеры А. Бочинин, М. Гнисюк, В. Готилов, А. Награльян, В. Сальмре и Г. Хамашуридзе.

Ответы на вопросы «Огонька» вы прочтете на 10—11-й стр.

Вождь немецких коммунистов Эрнст Тельман выступает перед берлинскими рабочими 1 мая 1930 года.

50 лет борьбы

У коммунистов не бывает легких путей. К цели, поставленной перед ними историей, они идут, преодолевая отчаянное сопротивление обреченного, но еще сильного и жестокого врага. Яркий пример тому — пятьдесят боевых лет немецких коммунистов, полвека бескомпромиссных классовых битв, кровавых жертв, трудных побед.

В последние дни 1918 года лучшие представители немецкого рабочего движения — лидеры боевого «Союза Спартака» и других левых сил приняли решение об образовании Коммунистической партии Германии. Это явилось прямым следствием победы Октябрьской революции в России, мощного подъема немецкого рабочего движения, вылившегося в Ноябрьскую революцию в Германии. Создание Компартии Германии означало появление на мировой арене нового отряда коммунистического движения, еще одну победу марксистских идей.

Немецкая буржуазия понимала, что с образованием коммунистической партии в рабочем движении Германии наступил решающий поворот. КПГ была встречена террором, травлей, преследованиями. Через две недели после образования партии реакционеры из-за угла зверски убили ее вождей Карла Либкнехта и Розу Люксембург.

Став в период Веймарской республики массовой партией, КПГ вела непримиримую борьбу с нарождающейся фашистской опасностью.

Когда к власти в Германии пришли фашисты, они начали физическое уничтожение членов компартии и их идейных сторонников. 150 тысяч коммунистов были отправлены на каторгу, в тюрьмы, в концлагеря. В 1933 году был арестован руководитель КПГ, стойкий ленинец, выдающийся коммунист Эрнст Тельман. Фашисты долго не решались уничтожить вождя немецких рабочих, памятуя о его огромном авторитете в Германии и во всем мире. Лишь в августе 1944 года в концлагере Бухенвальд нацисты убили Эрнста Тельмана.

В годы фашизма Компартия Германии отдала все свои силы для его разгрома. В эмиграции действовал ее Центральный Комитет, который возглавляли Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт и другие товарищи. В самой стране в крайне тяжелых условиях боролись группы Сопротивления, во главе которых стояли коммунисты Зефков, Шуман, Нейбауэр и другие. В концлагерях немецкие коммунисты образовывали подпольные комитеты и продолжали борьбу с нацистами. В одном из крупнейших концлагерей Германии — Заксенхаузене — активную работу вел Макс Рейман.

После разгрома фашизма в немецком рабочем движении наступил новый этап. Главной задачей коммунистов стало сплочение рабочего класса и других трудовых слоев населения страны на борьбу за новую, миролюбивую и демократическую Германию.

Эта задача была решена лишь в восточной части страны. Здесь удалось воспрепятствовать возрождению власти капитала, создать условия для глубоких общественных преобразований. Историческим событием стало слияние в апреле 1946 года на марксистско-ленинской основе коммунистической и социал-демократической партий и образование Социалистической единой партии Германии. Под руководством СЕПГ рабочий класс уверенно возглавил борьбу за построение нового общества. В 1949 году возникла Германская Демократическая Республика — первое государство рабочих и крестьян на немецкой земле. В настоящее время ГДР является одним из наиболее развитых государств мира, важным звеном мировой социалистической системы.

В Западной Германии, несмотря на все усилия коммунистов, рабочий класс остался расколотым. По требованию правительства Аденауэра федеральный конституционный суд в августе 1956 года вынес решение о запрещении Коммунистической партии Германии. Преследования коммунистов в ФРГ мало чем отличались от действий гитлеровских властей.

Коммунисты Западной Германии с честью вышли из этого испытания. В подполье они сумели сохранить партию, постепенно найти новые пути для работы среди трудящихся. В сентябре 1968 года на легальной основе была создана Германская коммунистическая партия. Только за первый месяц ее существования в партию вступило около десяти тысяч человек. Рост ее рядов продолжается. Вокруг ГКП сплотился ряд демократических организаций, которые намерены выступить единым левым блоком на выборах в бундестаг осенью 1969 года.

В эти дни празднуют славный юбилей и коммунисты Западного Берлина. Здесь действует самостоятельный отряд немецкого рабочего движения — Социалистическая единая партия Германии — Западный Берлин. Она решительно выступает против попыток Бонна присоединить Западный Берлин к ФРГ и подключить его к агрессивному курсу своей политики.

Советские люди желают немецким коммунистам новых успехов на пути к достижению исторической цели — торжеству идей мира, демократии и прогресса во всей Германии.

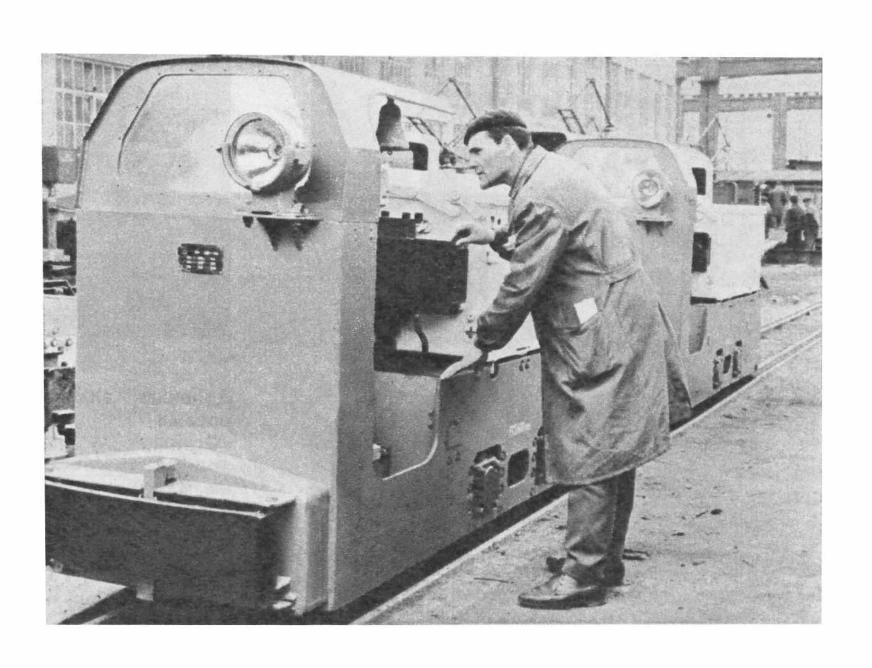
В. ЕЖОВ

Праздник Румынии

Двадцать один год назад Румыния была провозглашена Народной Республикой. За это время братский румынский народ добился больших успехов в строительстве новой жизни. Под руководством Румынской коммунистической партии в стране осуществлены глубокие социально-экономические преобразования. В 1965 году она стала называться Социалистической Республикой Румынией.

На карте СРР появляются все новые предприятия, дороги, стройки. Быстро меняется облик городов и сел республики. Это не удивительно: более третьей части национального дохода ассигнуется на строительство.

Неуклонно растет объем промышленной продукции. Например, на заводе «Унио» в Сату-Маре, где сделан этот снимок, благодаря введению в строй двух новых цехов производительность увеличилась почти в два раза.

На снимке: проверка рудничного электровоза на заводе «Унио» в Сату-Маре.

Фото Аджерпресс.

Героический полет космонавтов

Накануне старта — Джеймс Ловелл, Вильям Андерс и Фрэнк Борман.

ЗА МИР И БЛАГОПОЛУЧИЕ

Интервью «Огонька»

В Советский Союз я приехал не в первый раз. Каждый приезд для меня радость. В каждый приезд я могу сравнивать свои новые ощущения с предыдущими. В этот раз наибольшее впечатление произвело на меня монументальное искусство — настенные росписи, фрески. Конечно, этот вид изобразительного искусства развивается в связи с огромным строительством, которое идет в вашей стране. Архитекторы объединяются с художниками, чтоб создавать красоту и радость в жилых домах, учреждениях, на улицах. Современное монументальное искусство соответствует моему представлению: именно такое искусство должно быть в стране социализма.

Слышать про Советский Союз — это одно. А увидеть его жизнь, почувствовать доброжелательность советских людей, четкий ритм их работы — это значит понять советский народ, его гуманизм.

В прошлый свой приезд, года два назад, я сделал много цветных слайдов в мастерских живописцев и графиков. Когда я вернулся домой, меня стали приглашать в университеты различных штатов Америки. И я там читал лекции о советском искусстве, иллюстрируя их слайдами. Мне хотелось как можно больше рассказать о современном искусстве Страны Советов, потому что я считаю, что искусство помогает народам понять друг друга. Творчество всегда вызывает уважение. И, действительно, мои слушатели — в основном молодежь — были очень рады видеть процветание вашего искусства.

Я горжусь той нашей молодежью, которая так мужественно, так активно выступает сейчас за права человека, требует мира во Вьетнаме.

Сейчас в Нью-Йорке проходит моя выставка. На ней представлены три темы: мир, война, негритянская борьба за свободу. Эти темы отражают самые искренние и глубокие мои чувства. И именно поэтому я участвую в демонстрациях, выступаю на митингах, которые требуют мира во Вьетнаме.

И в канун Нового года я от всей души ПОЗДРАВЛЯЮ ЧИТАТЕЛЕЙ «ОГОНЬКА» И ЖЕЛАЮ МИРА И БЛАГОПОЛУЧИЯ.

Антон РЕФРЕЖЬЕ

21 декабря, в 13 часов 7 минут московского времени, три американских космонавта — командир корабля Борман, Ловелл и Андерс — заняли свои места в кабине «Аполлона-8», находящегося на вершине ракеты «Сатурн-5».

В 15 часов 51 минуту громадина — ее вес приближается к весу эсминца — поднялась в небо, унося в своем чреве 3,7 миллиона литров керосина, жидкого кислорода и жидкого водорода — горючего, которое должно вывести космонавтов на путь к Луне, помочь им облететь ее 10 раз и затем благополучно возвратиться на Землю.

Риск полета очень велик — таково мнение американских и европейских специалистов. Но риск лишь подчеркивает мужество участников экспедиции к Луне.

После запуска корабль «Аполлон-8» благополучно вышел на околоземную орбиту, а затем после второго старта перешел на лунную траекторию. От него отделилась последняя ступень ракеты, некоторое время они летели вместе, но космонавты отвели корабль на 150—300 метров, а потом и еще дальше, так как соседство с последней ступенью они сочли небезопасным.

Все дальше Земля. Космонавты передают, что на двух окнах кабины появились загрязнения, а одно окно стало матовым. Но остальные два — чистые. И в них просматривается все западное полушарие; одновременно Америка и Африка. А затем — весь диск Земли в иллюминаторе корабля.

Фрэнк Борман смотрит на Луну и с удивлением сообщает, что видит какое-то голубоватое сияние вокруг нее: «Чистого черного цвета, во всяком случае, нет».

«Аполлон-8» движется к Луне. Во вторник наступил второй критический момент. Корабль перешел на орбиту вокруг Луны — сначала два витка по эллиптической и затем 8 облетов по круговой орбите. В среду снова включаются двигатели, космонавты начинают возвращение. В пятницу, 27 декабря,— приводнение в районе Гавайских островов.

Семья космонавта Ловелла наблюдает запуск «Аполлона-8».

1 ЯНВАРЯ — ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОБЕДЫ КУБИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Хуан Фромета думает о жизни

Вадим ЛИСТОВ

Торжественно празднует народ Кубы свои революционные праздники.

Фото Пренса Латина.

Гроза уходила. Стрелы молний вонзались в землю уже где-то далеко. Удары грома, с каждым разом все более глухие, докатывались, словно нехотя. Вместе с грозой ушел ливень, оставив редкий дождь. Его монотонный, убаюкивающий шум заполнял комнату. Но Хуану не спалось. «Неужели он так и не угомонится, проклятущий, до самого утра? После такого агуасеро[1] можно бы и передышку устроить...» — размышлял он, ворочаясь с боку на бок. «А ну как выезд сорвется?» — мелькнула мысль. Но он тотчас себя успокоил: «С таким-то народом!»

Вчера обсуждали выезд на субботу и воскресенье в поле, на рубку сахарного тростника в подшефном народном хозяйстве «Камило Сьенфуэгос». Цех кожевенного предприятия, где в последнее время директорствовал Хуан, был небольшой, и народу набилось до отказа. Рабочие говорили о недостатках последнего воскресника, о том, как сейчас организовать работу транспорта. Говорили со знанием дела и заинтересованно. Каждому было ясно: вовремя убранный тростник — это драгоценные тысячи тонн сахара, это валюта, машины, продовольствие. «Вот какие теперь у нас люди! Хозяева!» — подумал Хуан. И вспомнилась Хуану его жизнь.

С 12 лет он стал работать. Бунтарская кровь отца, уроки, преподанные жизнью, прочитанные книги — так рождался революционер. Однажды в руки молодого табачника попала книга Анри Барбюса «Палачи». Страстный рассказ о том, как жили, боролись и шли на смерть коммунисты в разных странах мира, поставил перед ним новые вопросы: почему именно коммунисты — такие стойкие борцы за дело трудящихся? В чем сила их убежденности? Где источник неиссякаемой энергии?..

Немало книг прочитал потом Хуан, немало бессонных ночей провел в раздумьях. А когда в 1933 году в его родном Хигуани образовалась коммунистическая ячейка, в числе первых шести коммунистов был табачник Хуан Фромета. Вскоре он стал профессиональным революционером.

Летом 1934 года Хуана вызвали в райком партии в Баямо.

— Мы решили послать тебя, Фромета, в Вентас-де-Касанова,— сказал секретарь райкома.— Организуешь крестьян. Там безземельные захватили пустующие государственные участки. Поможешь людям бороться за свои права. Ясно?..

— Ясно,— ответил Хуан.— Только ведь я никогда с крестьянами не работал.

— Никто из нас еще толком не знает, как надо организовывать крестьянское движение,— улыбнулся секретарь райкома.— А начинать надо.

...Молчаливые, настороженные, крестьяне, казалось, не реагировали на рассказ Хуана о том, как по всему острову трудовой люд организуется и подымается на борьбу за свои права.

— Вам тоже надо организоваться. Вместе легче бороться за землю,— убеждал Хуан крестьян.

Долго раздумывали крестьяне. В конце концов порешили создать «Комитет борьбы за первый урожай маиса». Потянулись неделя за неделей. Собрали урожай маиса. Посеяли снова. Хуан не покладая рук укреплял хрупкую организацию. А крестьяне и сами уже начали понимать силу общей борьбы. Жандармы сжигали их хижины, вытаптывали посевы, сносили изгороди, но крестьяне снова вскапывали землю, снова сооружали убогие боио[2].

Колония росла. Партийные организации Хигуани, Баямо и других мест направляли в Вентас «подкрепления». С ростом движения росла и укреплялась крестьянская организация. Теперь здесь существовала и крепкая партийная ячейка. А главное, крестьяне Вентас-де-Касанова твердо поняли, что хозяевами на земле должны быть те, кто ее обрабатывает. И когда власти попытались разгромить организацию, затеяв судебный процесс против ее руководителей, они натолкнулись на такую стойкость и решительность крестьян, что вынуждены были отступить.

Вернувшись в Хигуани, Фромета — его избрали секретарем райкома партии — по-прежнему много занимается крестьянским движением в Вентас. Но появилось множество других забот. Мир охвачен пожаром второй мировой войны, и коммунисты Хигуани вместе с коммунистами всей Кубы ведут кампанию солидарности с Советским Союзом и народами антигитлеровской коалиции. Одновременно они активно выступают против произвола властей и помещиков, отстаивая интересы трудящихся. А сколько сил, энергии и знаний требуют партийные дела! Ячейки партии существуют во многих местах. Число коммунистов в зоне Хигуани выросло за эти годы до 1 200 человек!

Нелегкая была жизнь у Фрометы — нелегкая и полная опасностей. Однажды пришлось ему и получить пулю от провокатора, пробравшегося в партийные ряды. Но Фромета выжил.

10 марта 1952 года события круто изменили обстановку: на Кубу опустилась мрачная ночь батистовской диктатуры. Коммунисты перешли на нелегальное положение.

Затем Хуан оказался в районе, где действовали повстанческие отряды II фронта «Франк Паис». Командование II фронта поручило ему работу среди крестьян в зонах, контролируемых повстанцами. В короткий срок было образовано более 80 крестьянских ассоциаций. Затем создали региональный комитет крестьян II фронта и провели крестьянский съезд. На нем были заложены основы того объединения, которое уже после победы революции выросло в Национальную ассоциацию мелких земледельцев и сыграло важную роль в осуществлении аграрных преобразований в кубинской деревне.

И вот наступил день долгожданной победы! 1 января 1959 года под натиском повстанческих колонн, которыми командовали Фидель и Рауль Кастро, Камило Сьенфуэгос и Эрнесто Че Гевара, рухнул прогнивший диктаторский режим Батисты. Над Кубой занялась заря свободы.

В Сагуа-де-Танамо Хуан возглавил райком Народно-социалистической партии. В то бурное время он часто вспоминал слова Хосе Марти, пламенного патриота, возглавлявшего борьбу за независимость Кубы от Испании: «Настоящую революцию мы будем делать не в зарослях, а в республике». Но каким сложным делом оказалась «революция в республике»! Реакционные элементы, вчера еще сотрудничавшие с батистовской охранкой, не сидели сложа руки — они пробирались в профсоюзы, подстрекали крестьян к бунтам, разжигали антикоммунистическую истерию. На севере Орьенте, где находились принадлежавшие американскому капиталу крупнейшие сахарные «сентрали», латифундии и никелевые рудники, классовая борьба достигла большого накала. В это время на руководителя коммунистов Сагуа-де-Танамо дважды были организованы покушения, а один раз его даже пытались похитить.

Страна приступала к проведению социально-экономических преобразований, в том числе аграрной реформы. Хуана направляют в Баракоа. Это была тоже революционная работа: выдача крестьянам ссуд и кредитов, распределение сельскохозяйственных машин, дорожное строительство. Хуан помогает организовывать молодежь и женщин, изгонять из профсоюзов пробравшихся туда контрреволюционеров, обучать крестьян владеть оружием, создавать рабочую милицию для борьбы против бандитизма.

В конце 1961 года Фромету назначили секретарем Ассоциации мелких земледельцев провинции Орьенте. Ох, и горячее же это было время! Нужно было на ходу учиться управлять государством, подходить с государственной меркой к самым малым делам.

В последнее время он работал в Ольгине, центре северной части провинции Орьенте, директором кожевенного предприятия. На фабрике было много молодых рабочих, и Хуан часто рассказывал им о годах подполья, о борьбе повстанцев II фронта «Франк Паис», о первых шагах нового, народного государства.

...Дождь совсем утих. Хуан выставил руку в окно — ладонь осталась сухой. «Пора,— решил он.— Пойду-ка пораньше, посмотрю, как собираются».

Миновав дворик, Хуан вышел на улицу и заспешил к месту сбора. Там приглушенно урчали моторы. Несмотря на ранний час, людей было много, они громко смеялись, шутили. «Дружно собираются, значит, воскресник удастся»,— обрадовался Хуан.

[1] Агуасеро — тропический ливень.

[2] Боио — крестьянская хижина.

В канун праздника кубинского народа редакцию «Огонька» посетил первый секретарь посольства Республики Куба в Москве, заведующий отделом печати посольства товарищ Мануэль Лефран. В беседе с корреспондентом журнала товарищ Лефран отметил, что советский народ всегда очень дружественно относился к Кубе. Кубинцы высоко ценят вклад Советского Союза в укрепление пролетарского интернационализма. Наш гость выразил пожелание, чтобы советско-кубинские отношения продолжали успешно развиваться.

А. СМИРНОВ, секретарь ЦК КП Белоруссии

Труженица, партизанка, созидательница

Советской Белоруссии и ее Коммунистической партии 50 лет! Полувековая их история является замечательным подтверждением торжества идей Великой Октябрьской социалистической революции, гениального учения марксизма-ленинизма.

У нашей республики, как и у всей Советской страны, нелегкая судьба. В бурную огненную пору гражданской войны ей выпало решать невиданной сложности задачи — ликвидировать тяжкое наследие старого, отбиваться от оголтелых интервентов, а затем восстанавливать разрушенное хозяйство. Белоруссия в братской семье советских народов успешно решила эти задачи, поднялась на ноги, расцвела. Но другие испытания — не легче тех, что были в начале пути,— ожидали ее в сорок первом.

Она одной из первых приняла на себя чудовищный удар гитлеровской военной машины. Ведь именно через Белоруссию проходили дороги, по которым фашисты рассчитывали достичь Москвы и взятием ее завершить свой блицкриг. Белоруссия героически защищалась, а потом успешно наступала. В великую победу над гитлеризмом белорусский народ внес большую лепту — верностью, мужеством, самоотверженностью, терпением, кровью.

А после войны, вернее, после освобождения своей земли от захватчиков, снова титанический труд по восстановлению народного хозяйства. 209 городов и районных центров, более 10 тысяч промышленных предприятий, 9 200 сел и деревень, все колхозы и совхозы разрушили и сожгли гитлеровские варвары, погиб каждый четвертый житель Белоруссии. В конце 1944 года республика производила лишь 10 процентов того, что выпускала в соответствующие месяцы 1940 года.

Только вдуматься: из 50 лет нашей истории 20 ушло на отражение нашествия врагов и залечивание военных ран! И в едином строю с другими народами Советского Союза Беларусь выстояла. Под руководством Коммунистической партии она достигла такого прогресса, о котором не могли мечтать даже самые смелые умы. Неграмотная, лапотная, вечно бьющаяся в нужде, кустарная, не раз терзаемая иноземными стервятниками, она стала за годы Советской власти индустриальной, современной по развитию сельского хозяйства, культуры, образования, науки. Ныне достигнутый уровень промышленного производства в 81 раз превосходит дореволюционный и в 10 раз — уровень довоенного 1940 года.

У нас есть теперь крупные заводы, где производят знаменитые на весь мир высокоточные станки, большегрузные автомобили, современные электронно-вычислительные машины. Каждый пятый трактор, работающий на полях страны, вышел из ворот Минского ордена Ленина тракторного завода. Республика снабжает страну тканями и подшипниками, телевизорами и минеральными удобрениями, приборами и книгами, часами и мотоциклами, обувью и музыкальными инструментами. 78 стран мира покупают ее изделия.

Уверенно выходит на современные рубежи наше сельское хозяйство. Один тот факт, что недавно в республике была завершена электрификация деревень, может служить великолепным доказательством успехов в социалистическом преобразовании.

У Белоруссии трудная, но и счастливая судьба. Ее счастье в том, что наш народ трудолюбив, талантлив, стоек в любых испытаниях. Можно назвать десятки, сотни имен: и прославленного партизана, знаменитого колхозного вожака Кирилла Орловского, и выдающихся поэтов Янки Купалы, Якуба Коласа, и передового сталевара Дмитрия Барашкина, и талантливого ученого Александра Лыкова, и знатной доярки Лидии Осиюк, и бесстрашного генерала Льва Доватора,— чьи свершения и подвиги прославили Белоруссию.

У республики счастливая судьба еще и потому, что все 50 лет ее ведет и вдохновляет боевой отряд Коммунистической партии Советского Союза — монолитная, закаленная в борьбе, верная ленинизму Компартия Белоруссии. Коммунисты всюду и всегда в авангарде. Напомню одну цифру: в годы Великой Отечественной войны в подполье и партизанских отрядах, действовавших на территории республики, сражалось 35 тысяч коммунистов. А сколько тысяч коммунистов-белорусов воевали на других фронтах, защищали Москву, Ленинград, Севастополь, Сталинград, штурмовали Кенигсберг, Берлин, освобождали Прагу, Варшаву, Белград, Бухарест, Будапешт!

И сегодня коммунисты впереди, когда республика вместе со всей страной осуществляет величественную программу строительства коммунизма.

Вместе со всей страной... В этом тоже счастье Белоруссии. Она живет, работает и борется в нерушимом союзе с республиками-сестрами, которые всегда помогали ей, помогают и ныне. Разве не знаменательно, например, что в годы революции, гражданской войны, в первые годы становления Советской власти в Белоруссии работали видные деятели Коммунистической партии и Советского государства М. В. Фрунзе, Г. К. Орджоникидзе, А. Ф. Мясников, В. Г. Кнорин, К. И. Ландер, И. Я. Алибегов. А многонациональность партизанских отрядов периода Великой Отечественной войны, а неоценимая братская помощь русского и других народов Советского Союза в период ликвидации военной разрухи! Все это блестяще характеризует основу нашего строя и гарантирует Белоруссии, как и другим республикам нашей социалистической семьи, победное шествие вперед.

В могучем расцвете, в каждодневном обновлении встречает Белоруссия свое славное пятидесятилетие. Труженица, партизанка и созидательница, она готова к новым подвигам во имя светлой цели человечества — коммунизма!

Песнь о нашей родной стороне

Петрусь БРОВКА

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ

Как и весь мой край нешумный, тихим был наш уголок:
За зеленым лугом — речка, бор сосновый недалек.

И в старинку мы, признаться, жили так: прожить абы.
Ну, пахали... Ну, косили... Ну, ходили по грибы...

В батраках у пана были, спину гнули задарма.
Лето нас не веселило, а тем более — зима.

Так бы век и прозябали, откровенно говоря,
Не расправь мы свои плечи под громами Октября.

В тех громах сгорело горе — и, воспрянув ото сна,
Загудела, всколыхнулась вся родная сторона.

Чудесам преображенья и у нас пришел черед:
Явь за явью, новь за новью — их все больше, что ни год.

Все дары земные в руки взяли мы, былая голь,—
Не одни поля да пущи, а и торф, и нефть, и соль.

На разбуженную пустошь вышли в ряд за домом дом,
На реке поет плотина, ночью видно, как и днем.

Поднялись над бором трубы, на лугу — цеха стеной.
День и ночь по поднебесью, вдоль дороги подвесной,
Проплывают вагонетки, словно гуси вдоль реки...
И разводят лишь руками стариканы ветряки.

Перевел с белорусского
В. КОРЧАГИН.

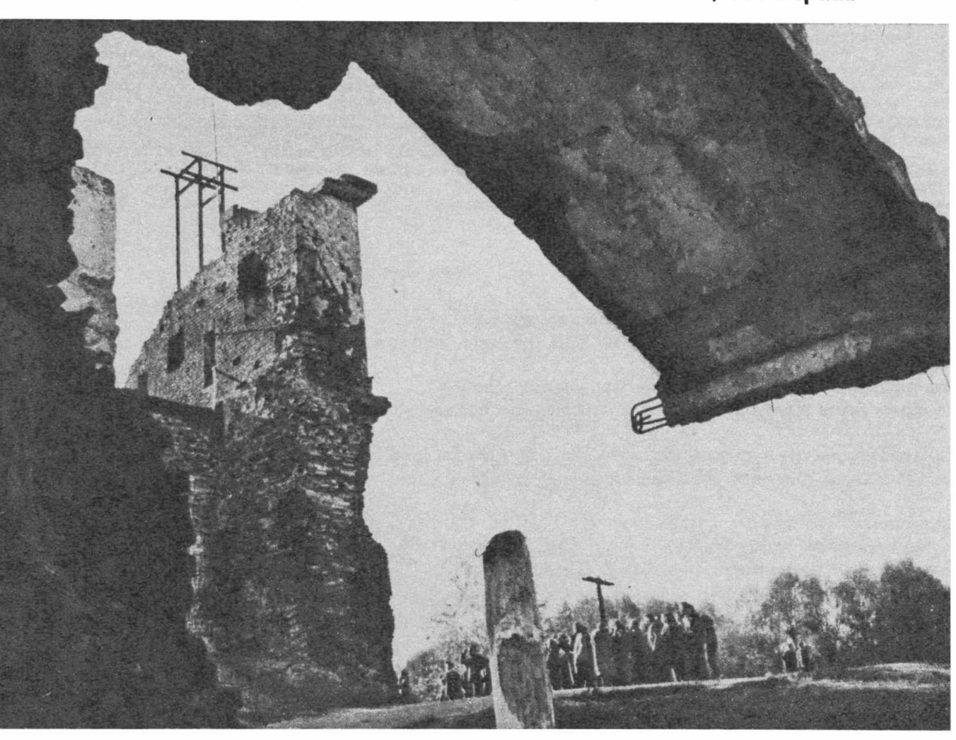
В Белоруссии — праздник. Посмотрите, как живет она сегодня, пятидесятилетняя республика! Выпускает мощные автомашины и тракторы. Горит яркими огнями нефтеперерабатывающих заводов и дворцов. Смеется, поет, танцует. И размышляет, вспоминает прошлое, бережно хранит память о героях, о подвигах, которыми столь богата история Белоруссии.

Остановимся у четырех стендов в четырех разных музеях, раскроем четыре страницы из биографии Советской Белоруссии.

РАВНЕНИЕ НА РЕВОЛЮЦИЮ

А. ЩЕРБАКОВ
Фото М. САВИНА.

Брестская крепость — символ мужества, стойкости, бессмертия.

НОМЕР ОРДЕНА — ПЕРВЫЙ

Кричевский краеведческий музей. Стенд реликвий революции и гражданской войны. Два ордена Красного Знамени в центре стенда. Портрет того, кто их заслужил,— Матвея Семеновича Киселева. Официальное письмо с печатью, адресованное Матвею Семеновичу: «Вы вторично награждены орденом Красного Знамени за боевые отличия. Образец знака ордена для вторичного награждения ВЦИК еще не утвержден. По утверждении... таковой будет Вам выслан».

Уроженец белорусского города Кричева М. С. Киселев был первым в стране кавалером двух боевых орденов Красного Знамени. Первый получил в 1919 году, затем — в 1921-м. На втором (нового образца) выбито: № 1.

В Кричевском музее о Матвее Киселеве богатый материал. По нему можно проследить всю жизнь этого человека.

В ранней юности крестьянский сын Матвей Киселев учился в низшей ремесленной школе Кричева, той самой, что готовила не только мастеровых, но и революционеров. Оттуда вышли: комиссар матросского отряда, авроровец, расстрелянный в 1918 году интервентами, Павел Попель; активный участник революционных событий на Западном фронте Анисим Пузыревский; комендант Петропавловской крепости в первые годы Советской власти Адам Попель; участник штурма Зимнего Василий Могилевкин...

Матвею Киселеву не пришлось утвердиться в рабочем звании. С 1915 года он в царской армии. В 1917-м оканчивает школу прапорщиков и в том же году вступает в партию большевиков. А в 1918-м он возвращается в Кричев. Он и его товарищ, участник революции 1905 года Маркиан Козлов, возглавляют в Кричевской волости борьбу с эсерами. Большевики побеждают. Киселева избирают заместителем председателя Кричевского волостного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Матвей Киселев — один из создателей Кричевской роты Красной гвардии. Эта рота влилась в партизанский полк, которым командовал герой гражданской войны В. Р. Розе. Полк беспощадно громил всех, кто посягал на завоевания Октября.

Позже партия послала Матвея Семеновича Киселева на Украину, оттуда под Воронеж, снова на Украину и затем в Москву.

Он умер в 1942 году от старых ран. Белоруссия помнит его.

У РАБОЧИХ СОБСТВЕННАЯ ГОРДОСТЬ

Минский станкостроительный завод имени Октябрьской революции. Музей. Фотография рабочего Василия Тимофеевича Рыжковского. Тридцать лет котельщик Рыжковский на заводе. С перерывом на войну. В 1941-м ушел в партизаны, в 1944-м вернулся в цех.

Как попала в музей фотография Василия Тимофеевича? Все, что сделано на предприятии с 1938 года по нынешний день, все связано так или иначе с именем котельщика Рыжковского. А сделано столько, что диву даешься.

Пройдем вдоль стендов. 1938 год. Подведены итоги двух пятилеток, объем производства завода за это время вырос в восемь раз. 1939 год. Начали выпускать серийми очень сложные по тому времени станки. 1940 год. На заводе открылся и объявил набор студентов станкоинструментальный техникум...

Современный рубеж предприятия — десятки моделей совершеннейших станков. 30 стран покупают продукцию МЗОРа. Это уже дела всей династии Рыжковских.

...Через двадцать лет после отца, Василия Тимофеевича, на завод пришел сын Антон. Сейчас он старший мастер цеха. Средний сын, Михаил, тоже поступил сюда, приобрел навыки в конструкторском отделе, и предприятие направило его учиться в политехнический институт, чтоб вернулся дипломированным инженером. И младший, Александр, связал судьбу с отцовским заводом.

...С чувством гордости приходит в заводской музей Василий Тимофеевич Рыжковский. С гордостью за друзей-станкостроителей, за своих сыновей, за рабочий класс.

ЛЕГЕНДА О ПАРТИЗАНСКОМ АРСЕНАЛЕ

На открытке синее море, пышные пальмы. Гватемала. На обороте открытки несколько строк: «Делегация молодых коммунистов Латинской Америки просит жителей деревни Иканы и старых партизан принять этот скромный подарок».

Гости с далекого континента оставили открытку в музее Иканской средней школы. Как и все посещающие музей, они с трепетом ходили по небольшим его залам в скромном деревянном доме. Действительно, уникальный музей! Создали его ребята, а зажег их этой идеей директор школы Василий Васильевич Игнатович.

Почти все, что есть в музее, связано с героическим сопротивлением, которое оказывала гитлеровским оккупантам мужественная, не ставшая на колени Белоруссия.

...В центре зала — токарный станок. Примитивный по сравнению с нынешними собратьями...

Когда немцы пришли в Буденичи, колхозный кузнец Петр Романович Шатерко оказался не у дел. Но не надолго. Скоро Шатерко узнал, что есть возможность приобрести токарный станок. Кузнец не пожалел 15 пудов ржи и привез станок домой. Точил на нем всякую всячину. Гитлеровские прихвостни пронюхали, что он выполняет на станке не совсем обычные заказы, занимается ими ночью и ночами же переправляет что-то в лес. Петр Романович вовремя узнал об этом и успел скрыться. Вместе со станком. И тут же в заболоченном лесу, на глухом острове, в землянке, кузнец из Буденич основал оружейную мастерскую. Здесь не только чинили, но и делали оружие. В производство шли пружины от сидений немецких легковых автомашин, части от трофейного оружия, детали, откованные в партизанской кузнице. Арсенал обслуживал несколько партизанских бригад.

Когда фашистов изгнали из Буденичей, Шатерко вернулся в родное село. Из леса он на плечах (лошадей-то в колхозе не осталось) перенес и собрал станок. А собрав, долго еще выполнял на нем артельные заказы. И лишь когда ушел на пенсию, передал станок Иканскому школьному музею.

...Ребята приходят в музей. Учат по его экспонатам историю и понимают, почему враги не покорили Белоруссию. Терзали, расстреливали, жгли, но не покорили. Ведь в тех же Иканах после налета карателей летом 1943 года в живых осталась только одна семья, палачи погубили почти 600 человек, из них около 400 детей. Судьбу Икан разделили многие другие деревни. А пламя партизанской войны разгоралось все жарче и жарче. В лесах вокруг озера Палик воевало пять партизанских бригад. К осени 1942 года на территории нескольких районов они восстановили Советскую власть.

ПАМЯТНИК ДИРЕКТОРУ

Музей совхоза «Докторовичи». На стене портрет работы местного художника, а под стеклом вещи: орден и медаль, депутатское удостоверение, значок выпускника сельскохозяйственной академии, медали участника ВДНХ, удостоверение дружинника...

Директор совхоза Николай Иосифович Апацкий умер внезапно. Наверное, когда-нибудь ему поставят здесь памятник. Пока его нет. Впрочем, неверно. Памятник есть: то, что создано в совхозе при Апацком и благодаря его энергии, инициативе, постоянной творческой заряженности.

Он обладал удивительным чувством современности, никогда не жил одним днем, никогда не работал ради сводок и отчетов. Иные руководители хозяйств не хотели видеть ничего, кроме типовых свинарников; он тоже ратовал за свинарники и вместе с тем убеждал, что нужна новая, хорошая школа, детские сады, удобные жилые дома. И в совхозе при нем построили великолепную школу, несколько двухэтажных жилых домов, детский сад. После этого экономические показатели совхоза сразу поднялись. При нем же построили консервный цех, мастерские, баню.

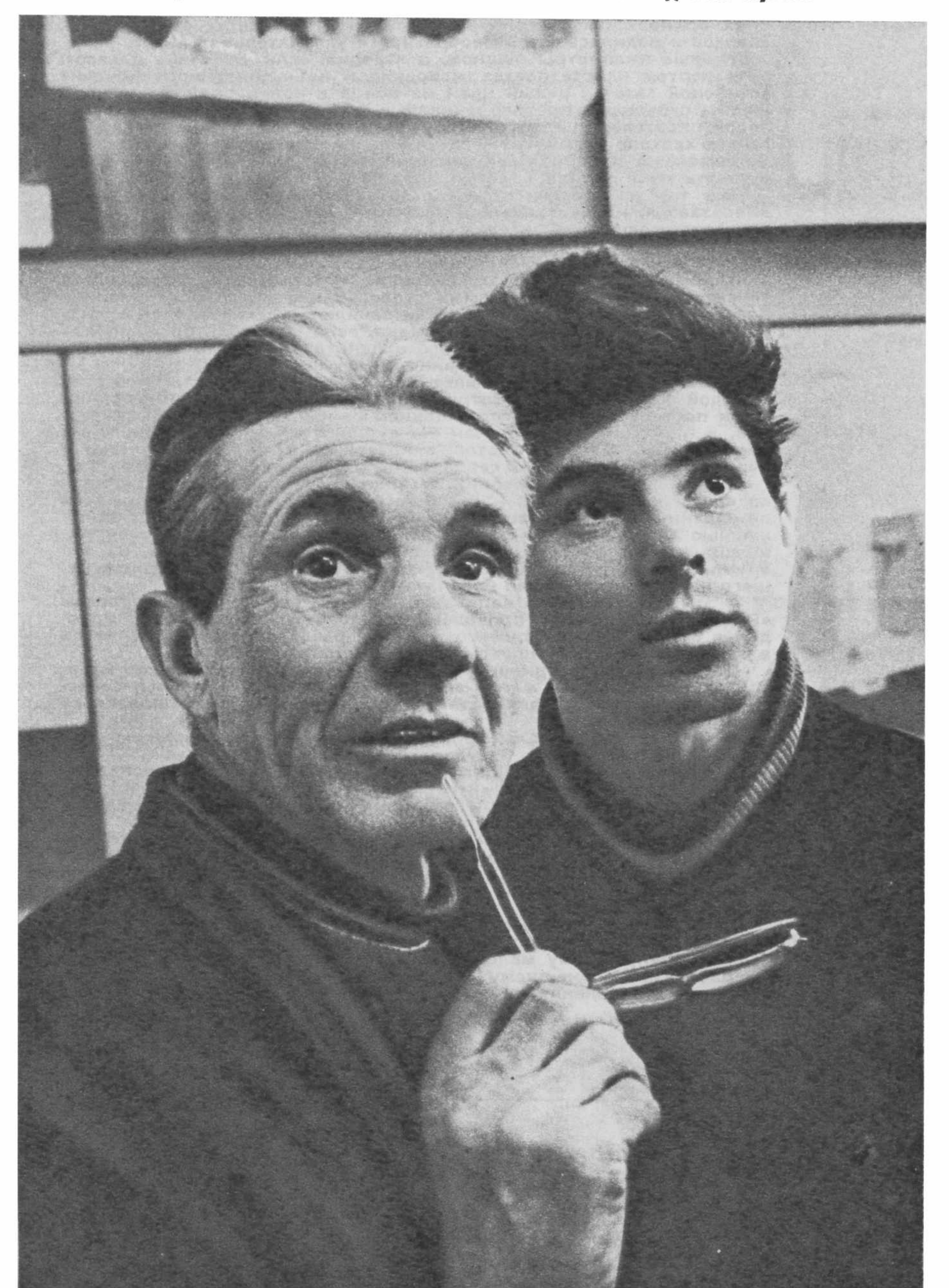
А однажды он предложил:

— Давайте заложим совхозный музей. Наши люди, право же, заслужили...

Музей открыли к 50-летию Советской власти. Тщательно написанная история совхоза. Боевые и трудовые награды ветеранов. Рассказ о молодом деревенском поэте Алексее Коршаке, погибшем на войне. Спортивные трофеи здешних чемпионов. Это все реликвии современного села, в котором жил Николай Апацкий и которое осталось ему памятником.

Огни Полоцка — столицы большой химии Белоруссии...

Василий Тимофеевич Рыжковский и его сын Антон в заводском музее.

...и огни, которые зовут по вечерам болельщиков в Минский Дворец спорта.

Родина этих скреперов-гигантов — Могилев.

Песнь о нашей родной стороне

Кастусь КИРЕЕНКО

Слово о матери

Чем давнее, тем явственней
Путь со следами былого,
Стежки тихие в поле.
Ты ни разу, я помню,
Мне о родине
Не говорила ни слова.

Только пела мне песни
О темных, бездонных озерах,
Что ночные упавшие звезды
Открывают во взорах.

О дремучих лесах,
Где со змеем на бой
Великаны выходят.
О дорогах-шляхáх,
Что далеко-далеко заводят.

О хлебах налитых,
Что целуются сладко с зарею.
О курганах седых,
Где навеки заснули герои.

Чем давнее, тем явственней
Память былого,
Стежки тихие в поле.
Ты ни разу, я помню,
Мне о родине
Не говорила ни слова.

Отчего ж, только вспомню
Я угол свой отчий,
Взгляд во ржи васильковый,—
Вижу сельскую улицу снова,
Твои ясные очи?..

Отчего же в траве,
Где слышнее тишайшие звуки,
И в листве молчаливого сада
Снова чувствую я, как когда-то:
Обнимают меня твои добрые руки.

Отчего ж на любом перекрестке,
При любом повороте —
Всюду слышится мне
Песнь о нашей родной стороне,
О твоей материнской заботе.

Мама, мама!..
Над озером, глубиной его чистой —
Негасимые звезды,
Возвышенный воздух...
Мама, мама!..
Отчизна и ты.
Только ты,
И только отчизна.

Две тревоги на сердце...
Две тревоги, два счастья со мною.
Мой поклон тебе, мама, земной.
Ты от самой моей колыбели со мной.
Ты вела и ведешь меня, мама,
Немудречой дорогой земною.

Перевел с белорусского
Дм. КОВАЛЕВ.

Анатоль АСТРЕЙКА

Млечный Путь

У солнца ли пряжу с кросен
иль у вечерних зорь
взяла и соткала осень
чудесный свой узор.

И вечерами выносит,
вешает на молодик
и добела белит осень
этот небесный рушник.

Под ним в наднеманской шири,
роняя клики вдали,
тянут в края чужие
с родимых болот журавли.

И я тем путем вернулся
с далеких и трудных дорог
в просторы своей Беларуси,
на отчий знакомый порог.

И не с того ли, быть может,
что дома по-прежнему я,
как сыну,
милей и дороже
опять мне родные края.

Сняв шапку, чуть слышно вздыхаю,
на Млечный тот Путь я гляжу
и, взора с него не спуская,
по тропкам давнишним брожу.

С востока на запад он вьется
по небу с неведомых пор.
И соткан от века,
сдается,
на слуцкий знакомый узор.

Перевел с белорусского
Дмитрий ОСИН.

Констанция БУЙЛО

Над мирными просторами

Автору этого стихотворения Констанции Антоновне Буйло (Калечиц) на днях исполняется 70 лет. Она начала печататься в белорусской газете «Наша нива» в 1910 году, а в 1914 году под редакцией Янки Купалы был издан в Вильнюсе первый сборник ее стихов «Курганная кветка».

Над мирными просторами
Горят зарницы белые.
Раздолье во все стороны
Шумит хлебами спелыми.
По доблести высокая,
Геройская и славная
Отчизна синеокая,
Среди великих равная.
Быть может, где и краше есть,
Кому что в свете глянется —
Моя ж любимой самою
До смерти мне останется.

Перевел с белорусского
В. ЗАВОДЧИКОВ.

Вместе с временем

В конце прошлого года вновь переиздана Алтайским издательством книга Анны Караваевой «Золотой клюв». Книга разошлась в несколько дней. Эта повесть «о дальних днях», о жизни «горщиков» демидовских заводов Алтая была написана Анной Александровной более четырех десятков лет назад. В то вдохновенное время становления социалистического хозяйства молодой Советской республики Анна Караваева работала в одной из совпартшкол, созданных по инициативе Владимира Ильича Ленина, в городе Барнауле.

Еще гремели бои гражданской войны на Дальнем Востоке, а здесь, на Алтае, бывшая боевая гвардия лихих конников, кавалеристов и пулеметчиков готовилась к мирному труду. Караваева хотела внести в преподавание истории классовой борьбы для своих курсантов живые примеры. После большой работы в барнаульских архивах по материалам деятельности бывших демидовских заводов и родилась эта своеобразная и увлекательная книга.

Многие километры пешком, а изредка, если уж очень повезет, в четвертом классе поезда исходила и изъездила корреспондент алтайской газеты, целый край из конца в конец. Вокруг кипела жизнь, сложная и противоречивая, а потому и интересная для молодой писательницы. Было столько событий, встреч с людьми, что газете хватало одной пятой того, что привозила из своих поездок Караваева. А материал все накапливался, и уже невозможно было держать его в папках.

Вот так из поездок по лесозаготовкам Алтая родился роман «Лесозавод», напечатанный в 1928 году. А до этого были уже напечатаны повести «Флигель» (1925 год), «Медвежатное» (1926 год), «Двор» (1926 год).

В 1931 году Анна Александровна Караваева была назначена редактором журнала «Молодая гвардия», которым она руководила в течение семи лет. Однажды на столе у нее появилась рукопись романа Николая Островского «Как закалялась сталь». И неизвестно, как бы сложилась судьба романа, если бы редактор «Молодой гвардии» сразу же не решил его напечатать. Ведь не все же сразу приняли и оценили по достоинству эту книгу.

— Я поняла,— рассказывает Анна Александровна,— что этот молодой коммунист, несмотря на тяжелый недуг, приковавший его к постели, является воплощением самой жизни, что он талантлив, а книга его явилась как бы душой того первого поколения комсомольцев и коммунистов, с которыми я работала лучшие и счастливые свои годы в совпартшколах Барнаула и Ульяновска.

В суровые годы испытаний, выпавшие на долю русского народа во время нашествия на нашу Родину фашистов, Анна Караваева по заданию «Правды» работала на военных заводах Урала. Одной жизнью с рабочими жила известная писательница, и каждый вышедший с завода танк был и ее радостью и гордостью. За это время более сорока очерков Караваевой о героическом труде нашего народа в тылу было напечатано в «Правде».

В эти годы ею были написаны первая и вторая части трилогии «Родина», о героизме, проявленном рабочим классом, всем народом в борьбе с фашистами, о тех, кто, работая по двадцать часов в сутки, ковал в тылу победу над фашистской Германией.

Последняя часть трилогии, «Родной дом», вышедшая уже после войны, рассказывает о том энтузиазме, с каким принялся советский народ восстанавливать разрушенное войной хозяйство страны.

В 1951 году Анне Александровне Караваевой за трилогию «Родина» была присуждена Государственная премия.

В послевоенные годы писательница выпустила еще несколько книг: «Звездная столица», «В гостях у брата»; роман из жизни рабочих московского завода «Грани жизни» вышел в 1963 году, к семидесятилетнему юбилею писательницы.

«Заря и ветер» — новый роман, над которым работает сейчас Анна Александровна. Читаю эпиграф к первой его части «Встает заря во мгле холодной» (А. Пушкин), а писательница в это время говорит: «Вы знаете, если я не сижу за столом и не работаю, мне кажется, я не живу».

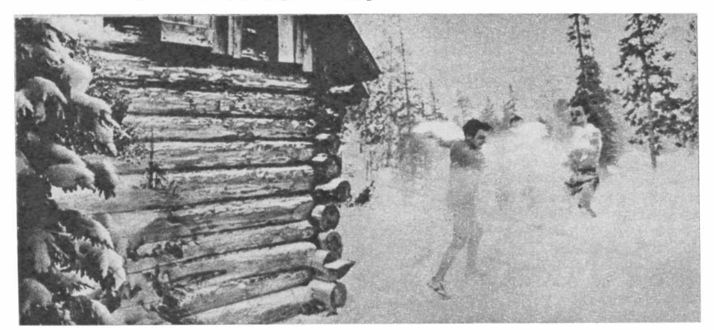
Анна Александровна отметила свой 75-летний юбилей, но разве существуют границы, определяющие творческий возраст писателя, если он по-прежнему молод душой, полон желания работать, чтобы рассказать нынешнему поколению о жизни нашей страны, об этапах ее становления?

Галина МЕСНЯНКИНА

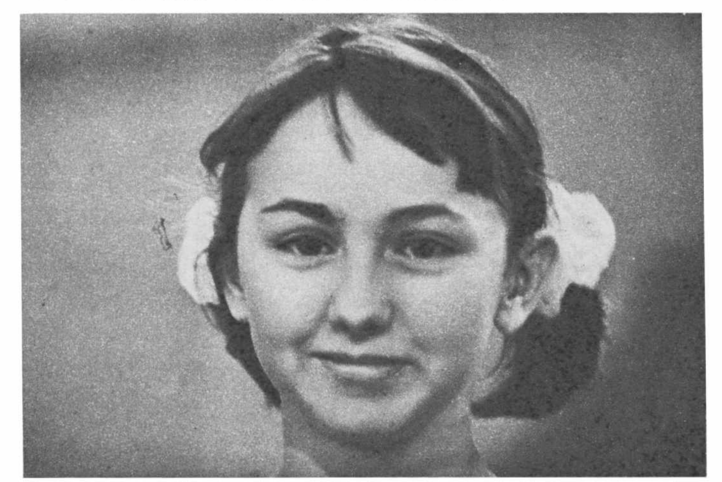

В мороз неплохо попариться...

...а потом принять снежную ванну.

Школьница Таня Климченко увлекается гимнастикой.

На лыжне в полярную ночь.

РЕБЯТА СЕМИДЕСЯТОЙ ШИРОТЫ

Б. СОПЕЛЬНЯК, А. БОЧИНИН

Есть на Кольском полуострове, в местах, где когда-то бродили стада оленей, небольшой, но очень уютный и ухоженный городок — Оленегорск. Он вырос рядом с крупным горно-обогатительным комбинатом, и почти все 12 тысяч горожан так или иначе связаны с ним. Городок современный, комфортабельный, но, хотя по Оленегорску регулярно курсируют автобусы, а люди живут в добротных, теплых домах, семидесятая широта все равно дает себя знать. Долгой полярной ночью трещат сорокаградусные морозы, свирепые ветры приносят с Ледовитого океана столько снега, что дома заносит до второго этажа. Но работа не прекращается ни на минуту: гремят в карьере взрывы, вгрызаются в мерзлую породу экскаваторы, ползут по террасам самосвалы, а с обогати-

тельной фабрики один за другим отходят составы с железным концентратом.

В этих условиях спорт помогает ребятам семидесятой широты не только хорошо работать, но и сохранять здоровье, бодрость духа. Двадцать спортивных секций действует на комбинате.

— У нас каждый третий рабочий — спортсмен, — сообщил нам председатель совета физкультуры О. Певзнер. — Да что там говорить, идите на любую спортивную базу и сами в этом убедитесь!

Легко сказать — идите. А куда пойдешь, если мороз за двадцать, а ветер, как в аэродинамической трубе? Два часа дня, но на улице уже непроглядная ночь. Тундра начинается сразу за домами, а там, как известно, ни тропинок, ни дорог. Правда, с одной стороны к городу примыкает участок лесотундры. Оленегорцы превратили его в парк. Здесь они проложили трехкилометровую освещенную лыжную трассу. На лыжне было людно, для оленегорцев погода самая обычная, и на тренировку вышли все — от школьников до мастеров спорта. Лыжная секция — одна из самых популярных, видимо, поэтому лучшим гонщикам Мурманской области приходится туго, когда на дистанцию выходят мастера спорта маркшейдер Г. Шмелева, помощники машиниста экскаватора А. Стариков и В. Кузнецов.

Изрядно продрогнув, мы направились в город. Но у выхода из парка встретились с охотниками.

— Что, и охотиться можно в такую погоду? — усомнились мы.

— Еще как! — ответил инженер Г. С. Кемов. — Встречайте на обратном пути — сами увидите. Куропатки будут наверняка, а повезет — и глухаря стукнем. Часто попадаются зайцы, лисы, а то и росомахи. Встречаются даже медведи. А вот волков нет, всех выбили.

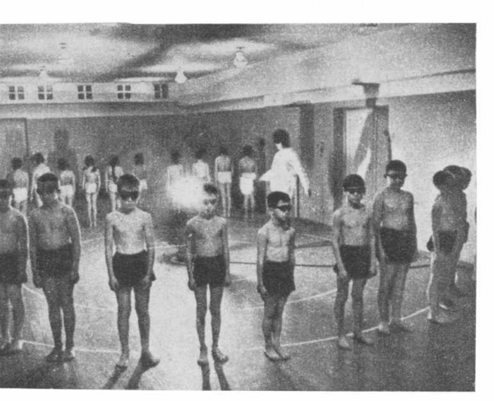
В тот же день, вернее, в ту же ночь, мы побывали на слаломной трассе. Она освещена такими мощными прожекторами, что тренироваться можно в любое время. Строительство слаломной трассы — это целая эпоха в истории Оленегорска. Судите сами: вокруг тундра, ни бугорка, ни горки. Но почему не использовать пустую породу, которую в течение 15 лет свозили из карьера? И вот выровнен склон, засыпаны щебнем все неровности и готова 270-метровая слаломная трасса. Теперь в городе, расположенном в голой тундре, немало отличных горнолыжников.

Но больше всего оленегорцы гордятся своими хоккеистами. Сборная комбината — финалист праздника Севера. Чтобы построить стадион с трибунами на три тысячи мест, пришлось осушить большущее болото и засыпать его скальной породой. Десять тысяч кубометров камня вывалили в болото, и на этой своеобразной «подушке» построен стадион. Всего за полтора месяца!

Сейчас в каждом цехе своя хоккейная команда. Когда была скомплектована оленегорская сборная, играющим тренером стал машинист бурового станка Иван Акиншин. Сейчас у хоккеистов возникла новая идея — построить крытый каток с искусственным льдом. На первый взгляд это ни к чему, ведь лед-то держится восемь месяцев в году, но сколько сил уходит у спортсменов на борьбу со снегом, ведь чуть ли не каждый день пурга заваливает ледяное поле.

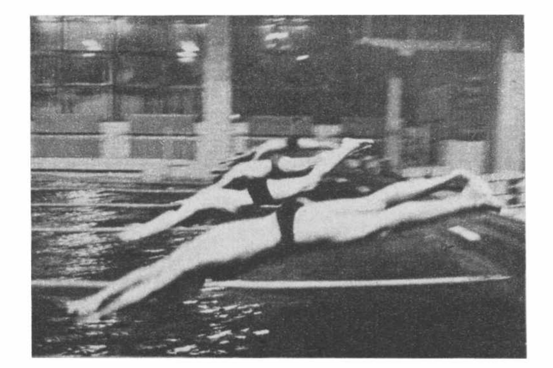
В Оленегорске совсем недавно появились гимнасты, пловцы, баскетболисты, борцы и боксеры. Дело в том, что в этом году вошел в строй великолепный Дворец спорта с плавательным бассейном и спортивным залом. В двадцатипятиметровом бассейне шесть дорожек и вышки для прыгунов в воду. Есть и кварцевая установка — все пловцы, а их около семисот, после тренировки обязательно загорают.

Так живут теперь ребята семидесятой широты.

Когда нет солнца, выручают кварцевые лампы.

В новом бассейне

ОНИ ВАМ ЗНАКОМЫ

Начало см. на 2-й обложке и 1-й стр. номера.

1 «Левша» из Челябинска

Илья Герасимович Пустовой, заместитель начальника цеха Челябинского трубопрокатного завода, — один из тех людей, чье имя в уходящем году стало известно всей стране. Звание лауреата Государственной премии он получил, как это было кратко сказано в газетах, «за создание новых способов массового производства сварных труб диаметром 1 020 и 1 220 мм для газо- и нефтепроводов».

1. Поделитесь опытом, как стать знаменитым?

— Не знаю. Во всяком случае, об этом никогда не задумывался. Не до того было. Знаете вы, что это за трубы 1 020 и 1 220? Как раз те, которые ФРГ отказалась поставлять. Дали нам задание. Технология новая, сроки сжатые... Помню, только наладили производство, выдали на-гора́ первые трубы 1 020. Все вроде бы нормально. Я тогда взял отпуск на недельку, перед пуском-то сидели в цехах с утра до позднего вечера. Пришел домой, а утром уже вызывают — стан дает брак. Даже сейчас страшно вспомнить, что пережили тогда. В чем дело? Конфуз на всю страну, думаем. Вы представляете? А дело оказалось в том, что труба «не играла», слишком зажим был жестким. Через день трубы шли как по маслу. (Илья Герасимович умалчивает, что это его смелое предложение заставило трубы «играть».) Трубу 1 020 мы освоили за год с лишним, а 1 220 — за два месяца. Ну, а как стать знаменитым, я, право, не знаю...

2. Не тяжко ли бремя славы?

— Бремя-то радостное. Да и нести его мне помогают начальник нашего цеха Александр Сергеевич Вавилин и главный инженер завода Товий Яковлевич Ольхович: вместе ведь стали лауреатами. Не знаю, как у них, но у меня было такое чувство, какое, наверное, испытывал «Левша», когда подковал «аглицкую» блоху. Ведь и мы неплохо «подковали» политиканов ФРГ, отказавших нашей стране в поставках труб. Они не только заплатили неустойку за расторжение контракта, но и остались со своими трубами на бобах.

3. Ваш тост за новогодним столом?

— За изумительных наших людей, за народ наш! За счастье! Пусть это не оригинально, зато от души.

4. Вы стали знаменитым... А что дальше?

— Дальше будем делать трубы еще лучше, красивее, дешевле. Думаем применить радиочастотную сварку. Размер 1 220 — это не предел наших мечтаний. Готовимся варить трубы диаметром 2 500 миллиметров.

5. Интересно узнать, как чувствует себя знаменитость дома?

— Хорошо чувствует знаменитость. Государственную премию отметили, конечно... По русскому обычаю — застольем. Жена моя, Антонина Митрофановна, тоже в именинницах ходит. Так иногда трудно было, а она всегда рядом... Вы меня знаменитостью считаете, тогда и она тоже знаменитость.

2 Как у всех

Взять интервью — дело не простое. Вероятно, еще труднее дать интервью. Так что трудно обоим. Поэтому, начав разговор с олимпийской чемпионкой Зинаидой Ворониной в понедельник (в этот день она познакомилась с вопросами), мы закончили его в среду. Столько времени потребовалось известной гимнастке для ответа.

1. Поделитесь опытом, как стать знаменитой?

— У меня нет такого опыта. Я никогда об этом не задумывалась. Знаю только, что родиться знаменитой невозможно. Как я стала олимпийской чемпионкой? Могу сказать только одно: у меня была цель, и я много работала, чтобы достичь ее.

2. Не тяжко ли бремя славы?

— Знаменитой быть приятно. Приятно побеждать, приятно, когда о тебе говорят, пишут. Если только не ругают. Но когда приходится выступать с рассказом о своих выступлениях по два-три раза на день в самых различных аудиториях, то понимаешь, что слава — вещь тяжкая. От тебя ждут чего-то необыкновенного, а на самом деле все так просто, все, как у всех!..

3. Ваш тост за новогодним столом?

— Я желаю всем больших успехов, счастья, здоровья!

4. Вы знамениты... А что дальше?

— Не могу понять, почему меня можно считать знаменитой. Ведь так много еще не получилось! Да, побеждать приятно и радостно, но и очень трудно. А еще труднее побеждать долго. Надо еще больше работать, пробовать, искать. И, главное, никогда не успокаиваться. Иначе тут же лишишься завоеванных спортивных титулов.

5. Интересно узнать, как чувствует себя знаменитость дома?

— Чувствую себя так же, как любая женщина, у которой есть семья. Люблю готовить и убирать. Частые разъезды оставляют мало времени на эти дела, поэтому, вернувшись домой, с удовольствием занимаюсь хозяйством, отдыхаю. А чтобы не мешали звонки, обязательно отключаю телефон, несмотря на решительные протесты друзей и родственников. Правда, сначала мы все же договариваемся о всех наших делах.

4 Секрет общительности

Международный конкурс молодых архитекторов в 1968 году был весьма представительным — 146 проектов от 91 архитектурной школы. Первая премия была присуждена аспиранту Грузинской академии художеств Владимиру Цинцадзе. Его проект застройки одного из старых уголков Тбилиси покорил строгое жюри.

1. Поделитесь опытом, как стать знаменитым?

— Личного опыта у меня нет, но мне кажется, что нужно быть общительным. Почему общительным? Чтобы знать, что волнует людей, какие проблемы их занимают. И решать именно эти проблемы.

2. Не тяжко ли бремя славы?

— Не считаю свою славу столь великой, чтоб ощутить ее бремя.

3. Ваш тост за новогодним столом?

— К одной старой женщине

3 Титулованный пахарь

Судьи были строгие. Учитывали время и глубину вспашки, ширину захвата плуга и прямолинейность пахоты. Всего было двадцать показателей. Лавровый венок и диплом вручили механизатору из Калининградской области Евгению Низовских.

1. Поделитесь опытом, как стать знаменитым?

— А я как раз не хотел становиться знаменитостью. Мой отец и дед были пахарями. Любили землю. Моим девизом были слова отца: «Самый тяжкий грех берешь на душу, когда паскудишь землю. Она этого не простит. И люди на тебя пальцем показывать станут». Такой известности я опасался.

2. Не тяжко ли бремя славы?

— После того, как я вернулся в родной колхоз победителем, не стало мне житья-покоя. Корреспонденты замучили.

3. Ваш тост за новогодним столом?

— Почти все, что украшает новогодний стол,— продукты матушки-земли. Поэтому нельзя не выпить за землю и за извечную и благороднейшую нашу профессию.

4. Вы стали знаменитым... А что дальше?

— Хотелось бы выступить на международных соревнованиях. Мечтаю, конечно, победить и доказать, что наши пахари могут лучше всех обрабатывать землю. Еще хочется немного отдохнуть от того бремени, о котором мы только что говорили. Я очень люблю рыбачить и читать фантастику. Скоро буду ездить на рыбалку на своем мотоцикле. Это приз на Всесоюзных соревнованиях. Ключ и паспорт уже вручили, а мотоцикла три месяца уже жду. Ну, ничего! Дождусь!

5. Интересно узнать, как чувствует себя знаменитость дома?

— Превосходно. Если в семье плохо, если разлад, то и делу своему не сможешь отдать всей души, всех сил. Если семья живет дружно и если семейные традиции с работой связаны, как у меня, то все идет на лад. Витьке моему тринадцать лет, а он уже самостоятельно может управлять трактором. Я тоже начал пахать в таком возрасте. Отец воевал под Сталинградом, а я осваивал пахотное ремесло. У меня все дети хотят стать трактористами — и Витька и близнецы Сережа с Толей, даже пятилетний Женька просит уже порулить трактор.

5 Триумф бармена

Был в Таллине недавно такой туманный и хмурый вечер, когда аэропорт плохо принимал самолеты. Они опаздывали, а в городе с нетерпением ждали одного человека. Он возвращался не с симпозиума астрономов, не с конкурса скрипачей и не с великой комсомольской стройки. И все же он привез Таллину добрую славу.

Зовут его Дима Демьянов, ему 21 год, а работает он барменом в знаменитом таллинском «Мюндибаар» — «Монетном баре». Дима дважды завоевывал первенство на всесоюзных конкурсах официантов. Как раз с такого конкурса он и вернулся в тот туманный и хмурый вечер. Вернулся победителем.

1. Поделитесь опытом, как стать знаменитым?

— Для этого надо сначала стать официантом... Потом все идет, как в любой другой профессии. Надо быть сверхвнимательным к людям. Как шоферу такси, продавцу или управдому. Уметь с первого взгляда определить характер человека. Как учителю, врачу или милиционеру. Я должен с лету запомнить заказ и побыстрее его выполнить. Как в химчистке, гастрономе или на станции техобслуживания автомобилей. Иногда тактично кое-что подсказать посетителю. Как в парикмахерской, в автобусе или во Дворце бракосочетаний. Я должен знать историю напитков, их действие на организм, как каждый нормальный человек. У меня должны быть хорошие отношения на кухне, как в любой образцовой коммунальной квартире. Чтобы стать знаменитым, не так много и нужно.

2. Не тяжко ли бремя славы?

— Нелегко. Но ничего, терплю. Согласен даже нести это бремя пожизненно, но для этого надо ежегодно побеждать на конкурсе официантов. А вот это действительно тяжело. Даже очень.

3. Вы стали знаменитым... А что дальше?

— Дальше я собираюсь поступать в Институт советской торговли на отделение организации труда на предприятиях общественного питания. Между прочим, отличное учебное заведение, в нем можно растить тысячи новых знаменитостей в нашей такой незнаменитой и так нужной людям работе!

4. Ваш тост за новогодним столом?

— Я еще не знаю, где я его произнесу — дома или на работе. И тост будет профессиональным. Знаете, есть такая поговорка: пить — помирать и не пить — помирать. Так вот, я хочу выпить за тех, кто умеренно и красиво пьет этот веселый виноградный сок во всех его видах — напиток, который надо уметь ценить и с которым следует обращаться осторожно.

5. Интересно узнать, как чувствует себя знаменитость дома?

— Неплохо. Приехал с конкурса, прихожу домой, вижу, стоит на столе корзина с цикламенами, записка лежит: «Поздравляем папочку. Анне и Яна». Яна — это моя дочка, ей три года, Аннушка — жена. Для дочери папа, конечно, авторитет. А жена моя лишних похвал не расточает, хотя тоже официантной работает. Правда, этак незаметно выспрашивает о моих методах, дабы и подучиться и равноправие в семье сохранить.

приехал в гости родственник. Хозяйка угостила его обедом и поставила на стол кувшин вина. Первый тост гость произнес за здоровье хозяйки:

— Дай бог вам жить еще столько же лет!

— Что ты, сынок, столько мне не выдержать.

— Ну, тогда пятьдесят.

— И это много.

— Хоть тридцать.

— И этого мне не протянуть.

— В таком случае,— сказал гость,— дай мне выпить этот стакан, а там поступай как знаешь...

Этой маленькой притчей я не отвергаю пользу добрых новогодних пожеланий. Просто, наверное, каждый знает лучше, чего он хочет и что может. Ну, а как аспирант Академии художеств, произнесу единственный тост: «За прекрасное! За все прекрасное, что есть вокруг человека и в самом человеке!»

4. Вы стали знаменитым... А что дальше?

— Какие могут быть планы у аспиранта? Защитить диссертацию.

5. Интересно узнать, как чувствует себя знаменитость дома?

— Когда спит мой невероятно общительный трехлетний сын, чувствую себя вполне как дома.

6 Все очень просто

Роль Тани Тёткиной, медсестры, героини гражданской войны, талантливой художницы, в которой Инна Чурикова снялась в этом году, взволновала всех, кто видел фильм «В огне брода нет». О ней заговорили вдруг всюду и сразу, хотя она и раньше снималась в кино — «Тучи над Борском», «Тридцать три», «Старшая сестра», детский фильм-сказка «Морозко». В этих фильмах у Чуриковой были небольшие, но остро характерные роли. Теперь уже готов сценарий фильма, написанный специально для Инны.

1. Поделитесь опытом, как стать знаменитой?

— Очень просто. Надо как можно скорее окончить школу, поступить в институт. И его окончить. И сразу выбрать по душе сценарий, пройти кинопробы — и сняться. А потом надеть самое нарядное платье, пойти на премьеру — и наутро ты знаменита.

2. Не тяжко ли бремя славы?

— Во всяком случае, необременительно.

3. Ваш тост за новогодним столом?

— За маму!

4. Вы стали знаменитой... А что дальше?

— Работа.

5. Интересно узнать, как чувствует себя знаменитость дома?

— Прекрасно! Хотя разницы, дома я или нет, никакой. Дома я работаю так же, как на студии и в театре,— репетирую. Первый мой режиссер и зритель — мама.

Добавим от себя, что Елизавета Захаровна — профессор МГУ, доктор биологии, но это не мешает ей быть еще и самым придирчивым критиком.

7 Нина, Арус и друзья

Член-корреспондент АН СССР, академик Академии наук Армянской ССР, дважды лауреат Государственной премии Артем Исаакович Алиханян совмещает большую научную работу в Москве и в Ереване. В столице он возглавляет Научный совет по физике электромагнитных взаимодействий и руководит лабораторией в Институте имени Лебедева; в Ереване он директор Института физики и «шеф» крупнейшего в стране синхротрона «АРУС». Английские ученые в знак уважения и признательности к крупнейшему советскому физику, запустив свой синхротрон «НИНА», попросили у Артема Исааковича фотографию его дочери Нины в качестве эмблемы своего ускорителя.

1. Поделитесь опытом, как стать знаменитым?

— Не знаю. И не согласен с такой постановкой вопроса! Давайте сформулируем его иначе, точнее. Скажем так: каким образом достичь определенного успеха в деле, которым занимаешься?

Мне думается, тут есть несколько решающих обстоятельств. И первое из них — люди, с которыми тебя сводит жизнь.

В детстве, наверное, у каждого из вас был свой идеал настоящего человека, мужественного, доброго, честного, бесстрашного. Это был человек из книг, из кинофильмов, может быть, даже из сказок. Мне повезло. У меня тоже был такой человек. Веселый и бесстрашный, добрый и чуткий. И он не просто мелькнул в моей жизни в далекие мальчишеские годы. Помог в выборе пути и собственным примером и конкретным делом. Заставил учиться, послал в Ленинград, в университет. Это был большевик-ленинец Тер-Степанов. А потом в течение всей моей жизни мне везло на встречи с прекрасными людьми. Некоторые из них дарили меня своей дружбой. Это были такие ученые, как Ландау, Арцимович, мой родной брат академик Алиханов, наконец. Это были такие музыканты, как Шостакович, такие писатели, как Зощенко, такие художники, как Сарьян. И дружба с ними поддерживала меня в моем научном поиске.

Вторым решающим обстоятельством я бы назвал раннюю любовь.

Приехав с путевкой профсоюза железнодорожников (я работал тогда слесарем в депо Тбилиси) в Ленинград, я встал перед дилеммой: куда идти учиться — в политехнический, в мореходку на факультет капитанов дальнего плавания или в университет? После коротких колебаний мой путь определился — я поступил на физмат, влюбился в физику. И с тех пор ни разу не изменил своей любви.

Третье решающее обстоятельство, по моему мнению,— оптимизм. Нередко мне бывает трудно, и тогда я думаю: «Я побит, я снова начну!»

2. Не тяжко ли бремя славы?

— Опять вы за свое. Бремя славы?.. Давайте поговорим о чем-нибудь другом! Меня занимают и беспокоят нерешенные проблемы, на меня давит бремя нерешенных вопросов, весьма конкретных...

3. Дабы избежать хоть раз слова «знаменитость», третий вопрос мы задали так: каковы ваши планы?

— Продолжать заниматься тем, чем занимаюсь уже более сорока лет. А конкретно... Если вам приходилось переезжать в новую квартиру, то наверняка не забудете никогда о хлопотах, связанных с ее обстановкой. Вот у меня и моих друзей, армянских физиков, есть такая чудесная «квартира» — «АРУС». Арус — это имя девушки и в то же время название нашего мощного синхротрона — электронного ускорителя на 6 миллиардов электрон-вольт. Таких в мире всего три.

Постоянно совершенствовать нашу любимую «АРУС» — вот моя первая задача на ближайшее будущее.

Но в отличие от квартиры она живая, «АРУС», и вместе с ней мы пробираемся все глубже и глубже в дебри неведомой огромной страны микромира. Вот сейчас мы готовим интересный и очень важный эксперимент. Впрочем, стоп! Отвечая на этот вопрос, я твердо решил не осложнять новогоднее настроение читателей вашего журнала научными рассуждениями.

4. Ваш тост за новогодним столом?

— Всегда один и тот же: за детей! У меня их трое: Артем, Нина и «АРУС».

5. Интересно узнать, как чувствует себя знаменитость дома?

— Ну и упрямый же вы народ — журналисты! Я же сказал, мне не нравится этот термин.

Что ответить на этот вопрос? Оглянитесь вокруг. Здесь, на стенах моей квартиры, вы видите полотна любимых мастеров. И среди них, конечно, Сарьян. Вот скульптуры Арто Чинмакчана, того самого, который изваял статую Арус, ставшую символом, эмблемой нашей «АРУС». Вон там пленки с записями любимых произведений Шостаковича. Мои друзья всегда со мной. Они мне помогают думать, я радуюсь вместе с ними в дни побед, они меня поддерживают в дни поражений.

О. САХАРОВА

Фото Б. КУЗЬМИНА.

ОБЫКНОВЕННЫЕ ЧУДЕСА

Люди проходят и проезжают мимо, и мало кто знает, что прошел он рядом с волшебным замком, где современная девчонка с модной коротенькой стрижкой может превратиться во французскую маркизу XVIII столетия или вдруг стать пушкинской Татьяной, а мужчина, который только что озабоченно прикидывал, есть ли шансы у московского «Динамо» стать чемпионом будущего года, вдруг преобразится в разудалого запорожца. Маленькие жители подмосковного поселка Хлебниково знают, что именно за этими стенами появляются на свет их веселые друзья — куклы: Незнайка, Мушка, Снежинка. Поэтому они осведомленнее своих пап и мам.

Для одной определенной части людей, знающих о существовании этого необычного учреждения,— работников финуправления — оно отнюдь не является волшебным замком. Для них это фабрика Всероссийского театрального общества, ежегодная программа которой — 9 миллионов рублей, количество работающих — 1 500 человек (из них 90% — женщины). И еще об одной немаловажной детали они могут сообщить: все затраты по производству полностью окупаются, и за счет своих прибылей фабрика смогла построить в Хлебникове новые корпуса.

На фабрике работает много москвичек. Ездить приходится довольно далеко. Что же удерживает их здесь?

— Работать в обычном ателье, шить мини- и макси-платья — разве это сравнишь с нашей работой? — говорит 24-летняя художник-модельер Алла Захарова.— Мы можем одеть актрису, играющую любую роль: и грузинской княжны, и испанской танцовщицы, и русской купчихи... Да как одеть! Видели бы наши костюмы женщины прошлого века — они бы плакали от зависти к тем артисткам, которые их носят.

Действительно, когда смотришь на костюмы, сшитые здешними портнихами, просто диву даешься. Как?! Все эти драгоценности, тончайшие старинные кружева, яркоцветная народная вышивка, богатейшее шитье — все это, оказывается, создано при помощи красок, тесьмы, блесток, аппликаций. И делают это не выпускники Строгановского училища, а такие вот вчерашние школьницы, как Танечка Киндеева. Правда, вряд ли смогла бы она, да и другие девушки, портнихи и мастерицы по росписи тканей, постичь все премудрости этого искусства без помощи таких опытных работниц, как Ирина Константиновна Никитина, проработавшая на фабрике уже 12 лет.

— В наши костюмы одеты почти все артисты народных театров от Курил до Калининграда,— рассказывает старший мастер костюмерного цеха Тамара Вятковская.— Да и профессиональные коллективы часто прибегают к нашей помощи. Мы шили костюмы для ансамбля «Мадригал», для Центрального телевидения, для «Ташкентфильма».

Но, как известно, даже Золушке для прекрасного превращения в сказочную принцессу одного лишь бального платья было явно недостаточно. Фее, покровительствовавшей бедной девочке, пришлось исчерпать все свои волшебные возможности, прежде чем Золушка была причесана, обута и украшена всеми необходимыми для такого случая аксессуарами.

Однако мы уверены, что, воспользуйся Золушка услугами Хлебниковской фабрики, а не своей старомодной благодетельницы, она имела бы еще более грандиозный успех на балу. И туфелька, сделанная здешними мастерами, не соскочила бы с ее ноги в самый неподходящий момент.

А какие дивные прически могли бы ей предложить веселые девушки-пастижеры! Под их ловкими пальцами блестящие нейлоновые нити превращаются в роскошные косы, локоны, шиньоны.

— Не хотелось бы вам работать в парикмахерской, причесывать живые, а не нейлоновые волосы?

— Нет, нет! Ни за что! Во-первых, наши клиенты (если только можно так назвать деревянные болванки) никогда не капризничают. Во-вторых, разве позволит кто-нибудь экспериментировать мастеру на настоящих волосах? А у нас здесь можно и пофантазировать. Вот только с мужскими париками неинтересно работать. Что в XVIII веке, что сейчас ультрамодные молодые люди выдумкой не блещут. Мы иногда даже путаемся: то ли «а-ля пейзан» парик сделали, то ли «биттла».

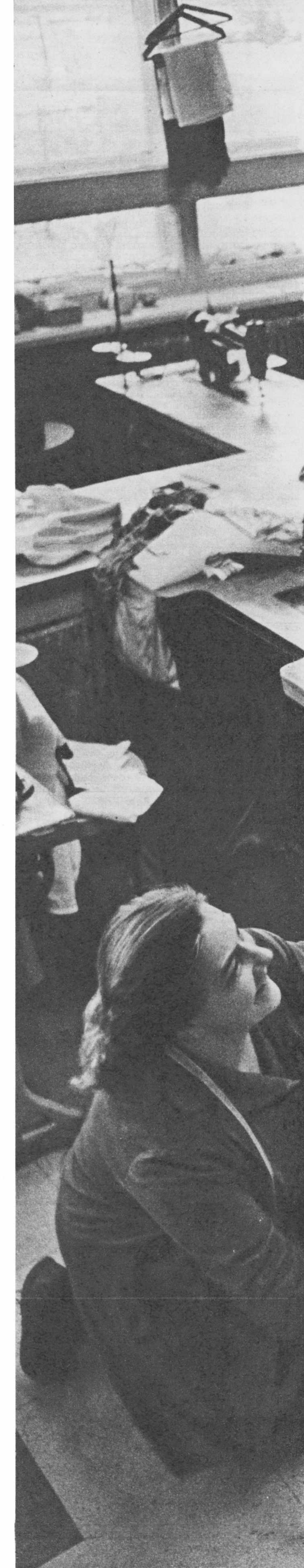
Пастижерские цеха, пожалуй, самые молодые и веселые на фабрике. Почти у каждой девушки на рабочем халатике значок ударника коммунистического труда. И хотя многие учатся в техникумах, никто отсюда уходить не собирается: работа интересная, люди вокруг веселые, заработки хорошие.

Ну, а почему же так хорошо знают этот дом хлебниковские малыши? Потому что здесь, на третьем этаже, в каждой комнате чудеса. Потому что здесь есть десятки елок, на которых растут ежики и лисы, зайцы и смешные незнайкины друзья.

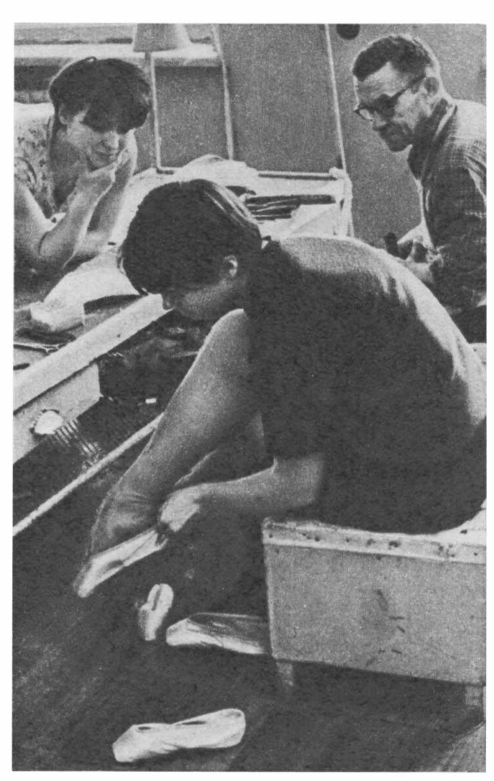
Это самый красивый цех на фабрике: разноцветные лоскуты, краски, нитки, и отовсюду на вас смотрят лукавые кукольные мордашки. На третьем этаже все цеха фабрики как бы повторяются в миниатюре. Кукол тоже одевают закройщицы, причесывают и подкрашивают художники-оформители, обувают специальные мастера.

Все работницы кукольного цеха строго следят за тем, чтобы каждое их детище обладало яркой индивидуальностью. Ведь если взрослому зрителю, отягощенному своими крупными и мелкими повседневными заботами, порой бывает безразлично, есть ли разница между Пончиком и Сиропчиком, то для ребенка они всегда самостоятельные, непохожие друг на друга существа.

В общем, желаем вам хоть раз встретиться в театре с творением рук хлебниковских мастеров.

Этот воздушный наряд называется «Шопеновская пачка». Клава Жиркова шила его, она первой и примеряет.

Тоня Зайцева, Валя Веркиенко и Андрей Евграфович Линин шьют самую недолговечную обувь: балетные туфельки живут на сцене всего часа два.

От Татьяны Галкиной во многом зависит, насколько симпатичны будут звери и зверята.

Наташа Зимина — пастижер.

ИГРА СЛУЧАЯ...

ПОЗЫВНОЙ 1969

Загадки тут нет: 1969-й — это наступающий Новый год. «Огонек» предлагает читателям несколько случайных встреч, разговоров, знакомств. Впрочем, не совсем случайных, все они связаны с цифрой «1969». В нескольких городах мы набрали номер телефона 19-69, поинтересовались, кто водит автобус 19-69, что происходит на 1969-м километре от Москвы, как живет малыш, получивший свидетельство о рождении под номером 1969.

Итак, игра случая...

У КОГО ЗАЗВОНИЛ ТЕЛЕФОН?

...В ГРУЗИНСКОМ ГОРОДЕ ТЕЛАВИ

Телави — столица Кахетии. Трубку взял главный врач Телавского района Гайоз Вахтангович Бакурадзе. Узнаем, что он работает в этой должности три года, кандидат медицинских наук, отоларинголог, ученик лауреата Ленинской премии профессора Семена Николаевича Хечинашвили. Спрашиваем, удается ли продолжать занятия наукой или с ней уже счеты сведены.

— Нет,— отвечает Гайоз Вахтангович,— пытаюсь работать над докторской. Тема та же — вестибулярный аппарат.

— Кахетия дает материал для этой темы?

— Так же, как и любое другое место земного шара...

— А какие заболевания характерны для вашей местности?

— Трудно сказать, потому что Кахетия — очень здоровое место. Малярию мы ликвидировали давно. Уже шесть лет дети не болеют дифтерией. Нет полиомиелита.

— У вас был приятный год?

— Для врача-администратора самое приятное — получить из местного бюджета лишние деньги на строительство. В этом году мы начали строить четырехэтажный корпус районной больницы. Дополнительно к недавно отстроенному, тоже четырехэтажному.

— Какие у вас пожелания?

— У нас не хватает сорока врачей. Приглашаем медиков к нам жить и работать!..

...В ПОЛТАВЕ

Не так-то просто оказалось дозвониться по телефону 19-69 на Украине, хотя киевские телефонистки помогали нам очень дружно. Им тоже было интересно.

— Севастополь не отвечает, в Житомире такого телефона нет. Алло, товарищ корреспондент, отвечает Полтава, но там у телефона бабушка.

В трубке строгий голос. Выяснив, что с нами говорит из своей квартиры Вера Алексеевна Плющ, мы осведомились, подозревает ли она, что означает номер ее телефона.

— Да, конечно. Это наступающий Новый год,— тем же строгим тоном ответила она.

— Вера Алексеевна, мы загадали: если к телефону подойдет счастливый человек, то и год будет счастливым. И еще: как живут люди, обладатели этого номера телефона, так проживем новый год и мы все.

— Раз так, то можете не сомневаться,— смеется в трубку бабушка.— Хорошим будет год. Семья у нас большая и дружная. Сын мой Олег работает главным конструктором научно-исследовательского института. Сейчас он в командировку уехал, в Москву. Невестка на работе, она у нас инженер. Я уже на пенсии, все больше с внуками. Внуков двое — Юра и Саша. Как встретим Новый год? Как всегда, все вместе за семейным столом под елкой.

Пусть исполнится то, что мы загадали. Пусть большая и дружная семья советских людей весь новый год проживет так, как наши случайные знакомые в Полтаве. Пусть трудятся, воспитывают детей, любят, смеются, радуются!

...В ЭСТОНСКОМ ГОРОДЕ НАРВЕ

— Здравствуйте, 19-69! Чем вы занимаетесь?

— Колдуем.

Мы представили таинственную резиденцию алхимиков: дымящиеся котлы, костры и прочие мистические атрибуты. Плюс телефонный аппарат.

— А сколько вас колдовством занимается?

— В этой комнате мы втроем: Анна Ивановна Иванова, Валентина Геннадиевна Писпанен и я, Нина Федоровна Анисимова. А по соседству колдует Любовь Ивановна Ратникова.

— Наверное, котлы дымятся, костры горят?

— Что вы! У нас даже курить строго воспрещается. Мы ведь нефтебаза. 19-69 — это телефон бухгалтерии Нарвской нефтебазы. Мы, бухгалтеры, колдуем над итогами года, подсчитываем премиальные суммы, а Любовь Ивановна Ратникова — председатель месткома — считает деньги для новогодней елки и подарков нашим ребятам. У нас в результате колдовства, знаете, что получилось? Цифры сходятся на 49 и 48.

— Почему?

— Сотрудников на нефтебазе 49. Детей на новогодней елке будет 48. Есть другие цифры — покрупнее. Например, такая: 7 810. Столько рублей премии мы выплачиваем нашим сотрудникам. Вы, поди, решили: подумаешь, учреждение — нефтебаза. А если бы нас вдруг не стало, тотчас остановились бы предприятия Нарвы и эстонского сланцевого бассейна, 80 фабрик, шахт, сланцеперерабатывающих заводов; да, кроме того, 5 колхозов и 5 совхозов стали бы испытывать страшные затруднения. Вот мы какие.

— С наступающим Новым годом, нарвский 19-69! С новыми успехами! И с новыми премиями!

Интервью по телефону взяли собственные корреспонденты «Огонька» И. Месхи, А. Стась, Н. Храброва.

ПАПА, МАМА, БАБУШКА И АНДРЕЙКА

В Ленинграде, на улице Петра Лаврова, стоят два дворца: один — бракосочетания, другой — новорожденных. Стоят рядом. Борис и Надежда Деревянко побывали и в том и в другом. Правда, во дворец «Малютки» пришли с небольшим опозданием. Когда в феврале 1968 года родился сын, папа Борис — бортмеханик вертолета — летал в Тюменском крае, возил на работу геологов, добытчиков нефти, забрасывал на новые точки оборудование. А регистрировать первенца родители решили идти вместе.

О рождении сына Борис узнал чуть ли не последним в поселке. Почтальон долго не мог найти дом, где живет Деревянко. Даже почтальону трудно здесь ориентироваться,— так много тут новостроек. Почтальон решил просто: искать не квартиру, а человека. Зашел в первый попавшийся дом, спросил: «Не могу найти, где живет Деревянко. Срочная телеграмма. Сын у него родился». Желающих отыскать Деревянко собралось много. В квартиру ввалилась целая толпа. Все бросились поздравлять, а многие тут же стали советовать, какое имя выбрать. Борис выслушал все предложения и сказал:

— Назову Андреем.

Это имя выбрал еще раньше. Молодожены условились: если родится дочь — имя дает мать, если сын — это право отца.

Как ни много было работы, начальство все же отпустило Бориса на три дня в Ленинград. Через несколько дней понесли малыша во дворец новорожденных. Было все очень торжественно. Из рук депутата Борис принял голубую медаль, на ней высечены имя, фамилия, дата и место рождения сына. В реестре дворца Андрей Деревянко зарегистрирован под номером 1969.

Папа улетел на Север. Вскоре и мама отправилась в путь, сын остался с бабушкой. Но вот Андрей повзрослел, скоро ему уже год. Одним словом, настал черед и Андрею перебираться на Север. Бабушка смастерила ему теплый мешок с капюшоном, сшила теплую одежду. Ведь Андрей переезжает в Сибирь, где морозы за 40 перевалили. Все волнуются, беспокоятся, а Андрею весело.

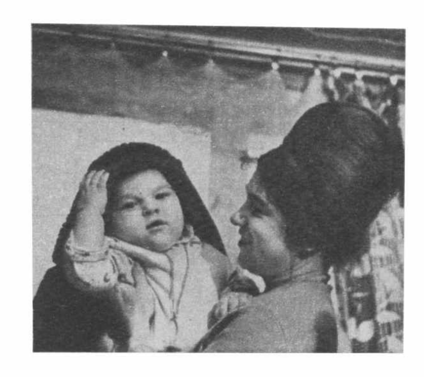
За день до отлета бабушка неожиданно заявила:

— И я с вами полечу, привыкла к Андрейке.

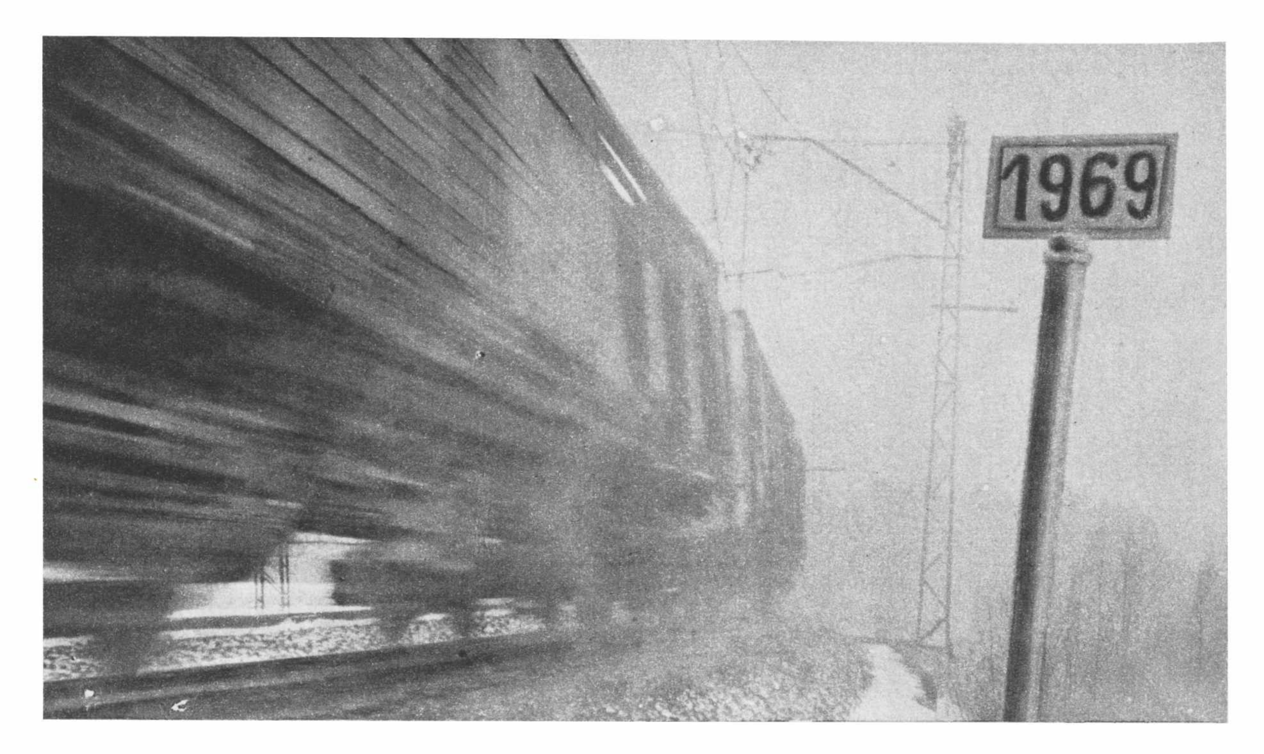
Так и полетели в канун нового, 1969 года в далекую снежную Тюмень папа, мама, бабушка и Андрейка.

К. ЧЕРЕВКОВ,
собкор «Огонька»

Фото Н. Ананьева.

Андрей собрался в полет.

Н. О. Барыбин.

СТАЛЬНОЙ ТЕЗКА

На 1969-й километр я ехал всеми видами транспорта: лифт, автобус, метро, самолет, такси, поезд. Последние километры пришлось идти пешком. На этом пустынном километре ни одной души, ни одного домика. Кругом только Уральские горы, поросшие заиндевевшими елями. И мороз! Природа, как бы охраняя нетронутые леса, бросала в лицо жесткие пригоршни снега, рельсы тихо посвистывали под напором разгулявшейся пурги.

Единственным живым существом оказалась не больше спичечного коробка синичка, с любопытством заглядывавшая в объектив моего фотоаппарата: наверное, ожидала, что оттуда вылетит еще одна птичка. Вот с этой живой душой мы и путешествовали из Европы в Азию и обратно.

Километр — тезка нового, 1969 года — находится совсем рядом с пограничным столбом между двумя частями света. Уржумка — последняя европейская станция. Хребет — первая азиатская. Тезка нового года — посредине.

Трудно взбираться тяжелым составам на Уральский хребет. 1950-й километр, 1960-й, 1965-й... С каждым километром все выше и выше в горы поднимаются составы. А потом... 1975-й, 1980-й, 1985-й... Все быстрее, быстрее. С облегчением вздыхает машинист — прошли высшую точку Уральского хребта. Не зря носит станция название Хребет. На этих километрах и перемахивают поезда через спину Южного Урала.

На станции — хозяева 1969-го километра. Главный хозяин — Николай Осипович Барыбин, дорожный мастер пятого околотка. Коллектив его участка, тридцать человек, обслуживает отрезок пути с 1966-го по 1976-й километр. В любое время суток, в любую непогодь: и в проливные летние дожди и в трескучие, вьюжистые зимние морозы обходят они свой участок. И так день за днем, год за годом... Вроде бы и нет никаких событий. Но вот именно за то, что на их участке не случается никаких происшествий, присвоено им звание коллектива коммунистического труда.

В сорок четвертом году пришел сюда Николай Осипович. 1969 год для него юбилейный. Четверть века исполнится, как он на Южно-Уральской железной дороге.

Многое изменилось за это время. Появилась автоматическая блокировка, локомотивная сигнализация, улучшился путь, надежнее стали рельсы... Сейчас мощные локомотивы быстро тянут составы весом в три с половиной тысячи тонн, а раньше паровозы еле-еле забирались с черепашьей скоростью на перевал с грузом в полторы тысячи тонн. Ко многим из этих изменений Н. О. Барыбин имеет самое прямое отношение. Недавно он был награжден орденом «Знак Почета».

...А мимо стального тезки нового года проносятся поезда. Из Европы в Азию, из Азии в Европу...

В. ТИХОМИРОВ

Фото автора.

КЕФИР ПОД ЕЛОЧКОЙ

— 19-69? — Из-под очков вопросительно глядели глаза капитана калининградского ГАИ Виктора Георгиевича Вербенко.

Найти этот номер было просто. Капитан открыл огромный шкаф, в нем картотека номерных знаков, около ста тысяч регистрационных карточек.

— Автоколонна — 1115. Междугородный автобус. Фамилию водителя узнаете на месте.

...На огромной площадке автобусного парка стояло много машин. Автобусы в Калининграде, оказывается, имеют имена: «Янтарь», «Космонавт Комаров», «Рыбачий».

А вот и наш, новогодний, с номером 19-69. Имя его «Нептун». Тут же и водитель владыки морей.

— Меня зовут Книга, — сказал он.

— Прозвище? — спросил я.

— Нет, фамилия у меня такая — Книга. Товарищи почему-то кличут Мишей Букварем. Букварь, говорят, тоже книга.

Два раза в жизни встречал я Новый год необычно: в дороге, — рассказывал Михаил. — 1958 год настиг меня по пути из Славянска в Краматорск. В грузовой машине. Морозец тогда стоял знатный. Солдатом я был. В термосе у нас с напарником булькала теплая густая жидкость... Это был не ликер и не ром — самый обыкновенный клюквенный кисель!

1967 год встречал веселее. В комфортабельном пассажирском автобусе «Нептун». По дороге из Риги в Калининград. Из Риги выехали в 20.30. В Шяуляе поужинали. Взяли с напарником две бутылки, но уже не киселя. Машина шла хорошо, пассажиры настроены весело. Часто поглядывали на часы, слушали Москву по транзисторным приемникам. Мощные фары автобуса выхватывали из темноты то силуэт зайца, то совы.

К 12 часам ночи я остановил машину в лесу, достал бутылки. Мы вышли с напарником, остановились под елочкой, произнесли любимый шоферский тост: «За тех, кто в пути!» — чокнулись бутылками с густой прохладной жидкостью. Это был самый обыкновенный кефир. Говорят, в нем тоже градусы есть. Более крепкого напитка употреблять нам нельзя. Постояли минут пять, не больше. У нас же график движения... Из автобуса доносились песни. Пассажиры поздравляли друг друга. Я им разрешил курить, если женщины не против. Закурили. Весело было ехать. Смех, шутки.

Вдруг подходит ко мне худощавый студент-очкарик. Веселенький. «Вот, — говорит, — прочел в журнале, что женщина в открытом море произвела на свет младенца. А в метрике, в графе «место рождения», записали: «Координаты 42°45' северной широты и 17°52' восточной долготы. Интересно, а где мы встретили Новый год?»

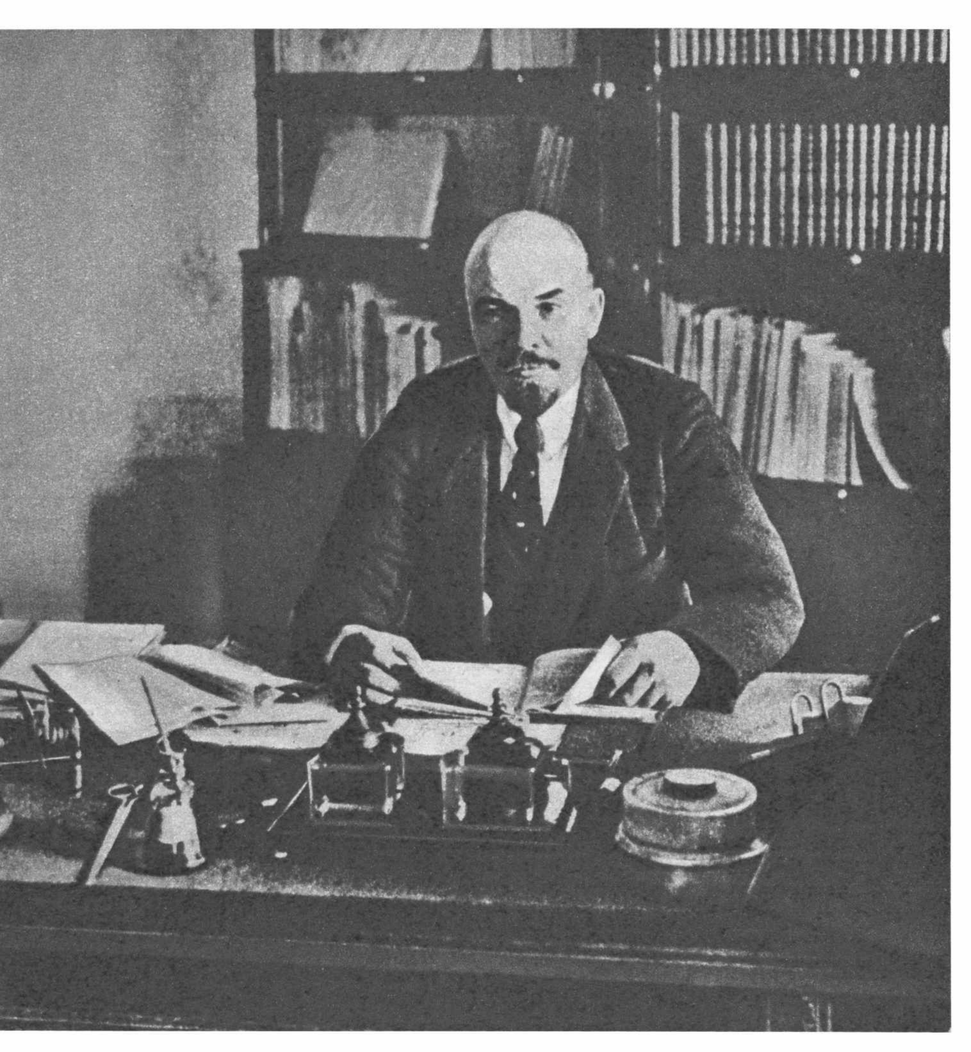
«На двадцать пятом километре от Шяуляя», — не задумываясь, ответил мой напарник Женя Кононович.

Приехали в Калининград в шесть утра. Пассажиры сонные. Вылезать им неохота. Но, наверное, запомнили они это необычное путешествие.

1969 год снова придется встречать в дороге, на том же маршруте Рига — Калининград. И я уже знаю елочку, под которой снова придется пить кефир за тех, кто в пути.

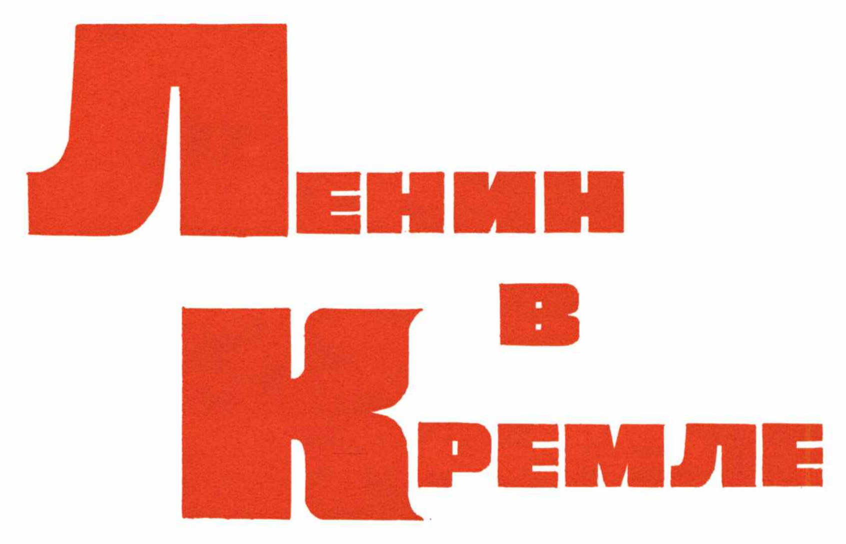
М. ЦЕБОЕВ

Фото автора.

В. И. Ленин в своем рабочем кабинете в Кремле. Москва, октябрь 1918 года.

Фото П. Оцупа.

Ленин в Кремле

12 марта 1918 года В. И. Ленин приехал в Кремль.

В тот же день над Кремлем взвилось красное знамя. Кремль стал резиденцией правительства первого в мире государства рабочих и крестьян. 19 октября 1923 года Владимир Ильич приезжал сюда последний раз.

Большие исторические события заключены между этими датами. Многие из них связаны с именем В. И. Ленина. Пять лет Владимир Ильич жил и работал здесь. Сегодня здесь рассказывается лишь о нескольких эпизодах, о нескольких днях из этих пяти лет его кипучей жизни.

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

День первый

И чем больше я думаю о нем теперь, когда его нет, тем все более и более вырисовывается тот торжественный, действительно исторический час, когда Владимир Ильич впервые въезжал в Кремль.

...12 марта 1918 года Владимир Ильич пожелал поехать в Кремль, чтобы осмотреть помещения, где должен был разместиться Совнарком. Часов в двенадцать дня мы подъехали с ним вдвоем к Троицким воротам Кремля. Часовые, как полагается, остановили нас. К нам подошел командир, дежуривший здесь, и спросил:

— Кто едет?

— Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин,— отчеканил я, несколько удивленный, что Владимир Ильич не был узнан. Командир, сделав два шага назад, вытянулся в струнку, глядя изумленными от неожиданности глазами на Владимира Ильича. Часовые подтянулись вслед за своим командиром. Владимир Ильич улыбнулся, отдал честь, приложив «под козырек» руку к круглой барашковой шапке.

— Трогай,— сказал я шоферу, и мы въехали в старинные ворота.

— Вот он и Кремль! Как давно я не видел его!— тихо сказал Владимир Ильич.

Я направил шофера к зданию, где когда-то помещались суд и межевое присутствие... Здание было до ужаса запущено и изуродовано. Очевидно, за время двух революций оно видало виды. Определив, что внизу расположится ВЦИК со всеми своими учреждениями, мы поднялись наверх, где я задумал разместить Совнарком и, главное, найти удобную во всех отношениях квартиру для Владимира Ильича.

Такой оказалась квартира бывшего прокурора палаты...

Назначив тов. Цыганкова комендантом здания центрального правительства, я предложил Владимиру Ильичу осмотреть Кремль, и мы пошли...

Владимир Ильич, видимо, волнуясь, осматривал Кремль и расспрашивал, удалось ли сохранить все ценности дворцов, Грановитой и Оружейной палат, знаменитую патриаршую ризницу и библиотеку с ее ценнейшими книгами и древними рукописями. Когда оказалось, что все это сохранено самым тщательным образом, что кремлевские гренадеры по двое суток дежурили на своих постах, охраняя вверенное им государственное имущество, желая сдать его в целости и сохранности законной власти, что, наконец, весь золотой запас, хранившийся здесь в погребах, также цел и невредим, Владимир Ильич, радуясь всему этому, велел немедленно проверить караулы и убедиться еще раз, что здесь все цело...

— Немедленно подымите над Кремлем красное знамя революции,— сказал я тов. Малькову.

...Башни Кремля все еще венчали громадные двуглавые орлы — эта эмблема старого, одряхлевшего и уже отжившего мира.

Не прошло и часа, как над Кремлем взвилось красное знамя.

Н. К. КРУПСКАЯ

Жив!

...Во 2-м МГУ у нас шло совещание по народному образованию. За два дня перед тем на нем выступал Ильич. Заседание шло к концу, и я собралась ехать домой, взялась подвезти одну знакомую учительницу, живущую в Замоскворечье. Меня ждал кремлевский автомобиль, но шофер был какой-то незнакомый. Он повез нас к Кремлю, я сказала ему, что мы сначала отвезем нашу спутницу; шофер ничего не сказал, но у Кремля остановил машину, открыл дверцу и высадил мою спутницу. Я диву далась, чего это он так распоряжается, хотела разворчаться, но мы подъехали к нашему подъезду — во двор ВЦИК,— там встретил меня т. Гиль, шофер, всегда ездивший с нами, стал рассказывать, что он возил Ильича на завод Михельсона и что там женщина стреляла в Ильича, легко его ранила. Видно было, что он подготавливает меня. Вид у него был расстроенный очень. «Вы скажите только, жив Ильич или нет?» — спросила я. Гиль ответил, что жив, я заторопилась... Пройти надо было маленькую комнатушку, но этот путь мне показался целой вечностью. Я вошла в нашу спальню, ильичева кровать была выдвинута на середину комнаты, и он лежал на ней бледный, без кровинки в лице. Он увидел меня и тихим голосом сказал минуту спустя: «Ты приехала, устала. Поди ляг». Слова были несуразны, глаза говорили совсем другое: «Конец». Я вышла из комнаты, чтобы его не волновать...

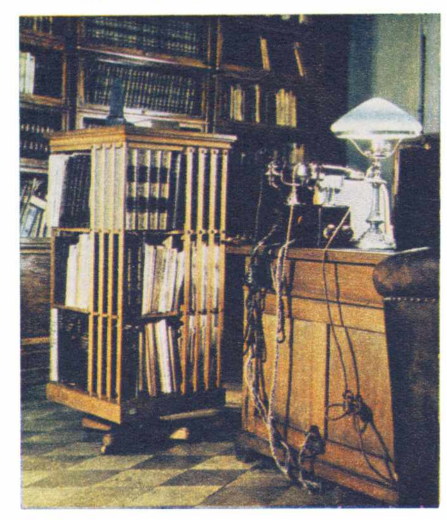
Наша квартира превратилась в какой-то лагерь: хлопотали около больного Вера Михайловна Бонч-Бруевич и Вера Моисеевна Крестинская, обе врачихи. В маленькой комнате около спальни устраивали санитарный пункт, принесли подушки с кислородом, вызвали фельдшеров, появилась вата, банки, какие-то растворы.

Наконец пришли врачи-хирурги: Владимир Николаевич Розанов, Минц и другие. Несомненно, жизнь Ильича была в опасности, он был на волоске от смерти...

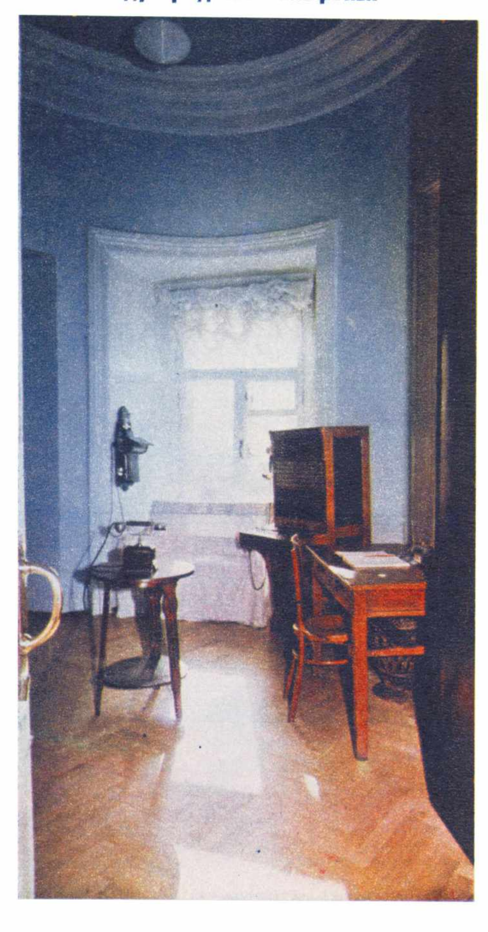
Надежды врагов Советской власти не оправдались. Ильич выжил. Заключения врачей каждый день становились все оптимистичнее. Они и все окружающие Ильича повеселели. Ильич шутил с ними. Ему запрещали двигаться, а он втихомолку, когда никого не было в комнате, пробовал подниматься. Хотелось ему скорей вернуться к работе... 16 сентября Ильичу разрешили наконец пойти в Совнарком. Он очень волновался, от волнения еле встал с постели, но был рад, что может опять вернуться к работе.

Публикуемые воспоминания о В. И. Ленине взяты из разных изданий и печатаются с сокращениями.

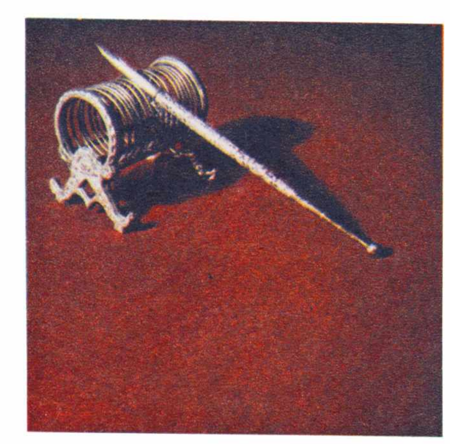
На двух этажерках-«вертушках», стоящих возле письменного стола, Владимир Ильич держал необходимую справочную текущую литературу. «Вертушки» были сделаны в 1920 году по рисункам Ленина.

Рядом с кабинетом В. И. Ленина расположен кремлевский коммутатор. Здесь стояли кремлевский, городской и междугородный телефоны.

Экскурсия в кабинете В. И. Ленина.

Ручка Владимира Ильича.

На развороте вкладки: Письменный стол Владимира Ильича.

Фото Дм. Бальтерманца.

Здание правительства Союза ССР в Кремле. Здесь находятся рабочий кабинет и квартира Владимира Ильича Ленина.

Зал заседаний Совета Народных Комиссаров. Одна из дверей ведет в кабинет Ленина. В те годы зал служил приемной и секретариатом.

Прихожая квартиры В. И. Ленина.

В столовой семья В. И. Ленина собиралась вечерами за ужином. Сюда приходили близкие друзья, товарищи по работе.

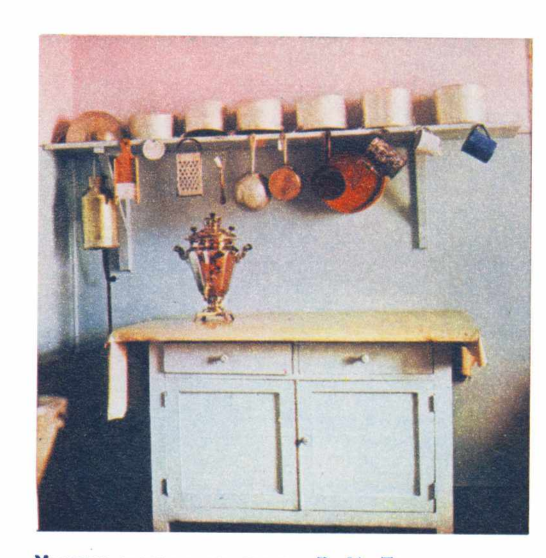

В начале 1923 года в связи с ухудшением здоровья Владимира Ильича была сделана застекленная веранда. Здесь Ленин мог хорошо отдохнуть.

Комната Владимира Ильича.

Уголок кухни в квартире В. И. Ленина, где семья чаще всего завтракала и обедала.

Антонин ЗАПОТОЦКИЙ

Человек, сидящий на ступеньках трибуны

В Москве был созван Всемирный конгресс III Коммунистического Интернационала. Я был послан на конгресс как делегат левой оппозиции, которая образовалась в недрах социал-демократической партии Чехословакии.

...Заседания проходили в Андреевском зале Кремля в Москве.

Был перерыв заседания, когда я вошел в зал, и здесь я впервые увидел Ленина. На ступеньках трибуны президиума сидел небольшой, на первый взгляд ничем не примечательный человек. На его коленях лежал раскрытый блокнот, в который он быстро что-то записывал. Я остановился, как останавливались многие делегаты. Никто не осмеливался ему помешать. Так вот он, Ленин! Вот тот, чье имя в последние три года так пугает капиталистическую Европу.

...В один из июньских дней я пришел в гостиницу, и мне сообщили, что я должен идти в Кремль к товарищу Ленину, который пригласил к себе чешских делегатов. Это приглашение вызвало волнение. Мы, чехословацкие делегаты, вдруг стали объектом внимания. Многие делегаты других стран, несомненно, завидовали нам. А я растерялся. Как и о чем буду я говорить с Лениным? Я, рядовой работник социал-демократической партии из угольного Кладно! Да и что вообще может интересовать Ленина в нашей маленькой Чехословакии?

Так думал я даже в прихожей рабочего кабинета Ленина. Однако все мои опасения оказались напрасными. Ленин знал о нас многое.

Прежде всего оказалось, что он понимает чешскую речь. И мы тоже понимали русский язык, хотя говорить не умели. Выяснилось, что переводчик не нужен.

...Беседу он начал вопросом, который наверняка ни одного чеха не привел бы в замешательство. Он спросил, едят ли еще в Чехии кнедлики со сливами. Он помнил об этом любимом чешском блюде еще со времени своего пребывания в Праге. Само собой разумеется, что после такого вступления беседа протекала совершенно по-дружески даже тогда, когда мы касались политических вопросов. Ленин интересовался Чехословакией.

...Вот так говорил Ленин. Просто, понятно, но в каждой фразе ты чувствовал большую правду, жизненный опыт и необычные знания. Благодаря этой убеждающей силе, исходящей из внутренней правды, Ленин и ленинизм победили.

Л. А. ФОТИЕВА

Кабинет Ильича

...Я хочу описать кабинет Владимира Ильича в Кремле... В этой комнате Владимир Ильич проводил большую часть своего времени. В течение пяти лет эта скромная комната была центром, куда стекались помыслы, надежды, сомнения, любовь и ненависть всего мира, где мыслил, творил и боролся величайший гений века.

Ходить из квартиры в кабинет надо было через коридор. В 1918 году весь коридор, за исключением узкого прохода, занимал телеграф, в котором круглые сутки шла напряженная работа — передача и прием телеграмм и разговоры по прямому проводу...

Дверь в кабинет, через которую обыкновенно ходил Владимир Ильич, ведет именно из этого коридора. Против нее расположена дверь к выходу. В конце 1918 года телеграф перевели в другое помещение, и к двери кабинета был поставлен часовой.

Есть другая дверь из кабинета Владимира Ильича. Эта дверь ведет в так называемую будку (помещение для верхнего коммутатора Кремля).

...Это было время фронтов, катастрофических положений, кризисов и белогвардейских заговоров. В кабинете Владимира Ильича в то время почему-то телефонов не было, и он приходил говорить в будку.

Впоследствии, когда у Владимира Ильича в кабинете были установлены телефоны, а также когда жизнь вошла в более спокойное русло, роль будки, кроме телефонной связи, свелась только к исполнению мелких поручений Владимира Ильича.

Третья дверь из кабинета вела в зал заседаний Совнаркома. В первые годы это была комната в два окна, которая называлась «красным залом». В ней Владимир Ильич проводил в 1918 и 1919 годах каждый вечер, так как заседания Совнаркома в то время были ежедневно, кроме воскресенья. От табачного дыма дышать было трудно, и летом в конце заседания, во время длинных речей докладчиков, Владимир Ильич обыкновенно садился на подоконник открытого окна, высовываясь из окна, насколько это было возможно. После ранения Владимира Ильича врачи запретили ему быть в накуренной комнате, и в Совнаркоме курить было запрещено.

В 1921 году эта комната была соединена с соседнею, тоже в два окна, таким образом, получился зал заседания в четыре окна.

Двери и окна в кабинете без драпировок. Это — желание Владимира Ильича. Он не любил драпировок и никогда не позволял спускать штор, как будто ему тесно и душно было в отделенной от внешнего мира спущенными шторами комнате.

...С правой стороны три телефона с усилителями. Всем известно, какую роль играл телефон в работе Владимира Ильича и как часто он им пользовался. Этим объясняется то возмущение и раздражение, которое вызывала у Владимира Ильича плохая работа телефонов, особенно иногородних.

...Ящики его стола были всегда заперты, за исключением верхнего левого, в котором он складывал все бумаги со своими распоряжениями. Отсюда мы вынимали их по нескольку раз в день для немедленного исполнения.

...На столе лежали несколько всегда хорошо очиненных карандашей, ручки, пузырек с резиновым наконечником, который Владимир Ильич называл гуммиарабик с «носом» и которым он сам заклеивал особо секретные письма, а также другие принадлежности письменного стола.

Перед письменным столом стояло простое деревянное кресло с плетеной спинкой и сиденьем и такое же кресло в зале заседаний. Мягких кресел Владимир Ильич не любил и никогда на них не сидел.

В 1919 году после какого-то небольшого заседания, бывшего в кабинете Владимира Ильича, он поручил мне достать ему «простой человеческий стол на четырех ногах, за которым можно было бы сидеть и писать» (то есть не письменный, не с тумбами). Этот стол был приставлен перпендикулярно к письменному столу, и по обеим сторонам его поставлены большие кожаные кресла.

...У двери, ведущей в коридор,— небольшой стол, весь заваленный атласами и картами. Географические карты занимали большое место в кабинете Владимира Ильича. В нижнем ящике одного из книжных шкафов — целый склад карт.

...На «простом человеческом столе» обыкновенно лежала то одна, то другая карта, в зависимости от того, где остро шла гражданская война. Владимир Ильич часто выражал желание иметь какое-нибудь приспособление для карт, чтобы можно было всегда пользоваться ими в развернутом виде и быстро менять по мере надобности. После долгих бесплодных поисков такого приспособления мне удалось, кажется, в конце 1919 или в начале 1920 года, при помощи Склянского заказать одному из инженеров Реввоенсовета такую конструкцию. Это было большое сооружение, занявшее все пространство от двери в коридор до конца стены, ведущей в зал заседания.

Около письменного стола, с правой и с левой стороны, стоят вертящиеся этажерки, которые Владимир Ильич называл «вертушками». На правой «вертушке» была подобрана вся справочная партийная и советская литература, которая могла понадобиться Владимиру Ильичу в его работе, и словари. О подборе этой литературы Владимир Ильич сам неоднократно делал указания и часто пользовался ею. Часто также пользовался он энциклопедическими словарями.

Левая «вертушка» была заказана по указанию Владимира Ильича со специальными отделениями для стоящих папок, чтобы разгрузить от них стол. ...Против этажерки — большая пальма. Владимир Ильич любил ее и наблюдал за нею. Когда она начинала хиреть, приглашал садовника. Срезанные цветы Владимир Ильич не любил и никогда не позволял ставить их в комнате.

Последний раз работал Владимир Ильич в своем кабинете 12 декабря 1922 года.

Несколько месяцев спустя мы, потрясенные, прячась от него, смотрели в окно, как его выносили на носилках и укладывали в автомобиль, чтобы отвезти в Горки.

Всего один только раз после этого и на одну только минуту заглянул Владимир Ильич в свой кабинет. За несколько месяцев до смерти, 19 октября 1923 года, будучи уже тяжелобольным, приехал он из Горок в Москву, проявив еще раз свою непреклонную волю. Вопреки всем уговорам Владимир Ильич сел в автомобиль и велел везти себя в город. Зашел на квартиру, заглянул в зал заседания, зашел в свой кабинет, оглядел все, проехал по сельскохозяйственной выставке в нынешнем Парке культуры и отдыха и вернулся в Горки.

БЕССМЕРТИЕ

Каждый день в кабинет и квартиру В. И. Ленина в Кремле приходят сотни людей из разных уголков нашей страны, со всех континентов планеты. Здесь побывали делегации более чем из ста стран. Поистине историческим документом стала книга отзывов музея. Вот несколько выписок из этого объемистого тома.

«Неописуемы чувства, которые испытываешь во время посещения квартиры и рабочего кабинета великого Ленина, вождя Октябрьской революции, изменившей мир и человечество». Под этими строками стоит подпись секретаря окружного комитета Компартии Великобритании, члена Исполкома Компартии Великобритании Фрэнка Стэнли.

С большим интересом осматривал кабинет и квартиру В. И. Ленина государственный министр просвещения Индии Бхагват Джан Азад. Его внимание привлекли книги, посвященные Индии, хранящиеся в библиотеке В. И. Ленина. «Самый великий из великих революционеров,— написал он,— который освободил огромное количество людей, вселил в них надежду на лучшую жизнь и желание жить счастливо, является идеалом всех».

Преподаватели института повышения квалификации при МГУ имени М. В. Ломоносова: «Нет слов, чтобы выразить всю глубину чувств и восхищения всем тем, что мы увидели и услышали. Незабываемо, трогательно до слез...».

Группа пропагандистов из Бурятской АССР: «Трудно выразить словами чувства, которые переполняют каждого, кто посетил музей нашего Ильича. Хочется еще и еще раз постигать, изучать, думать об Ильиче. Потому что он неисчерпаем. Потому что всем он — тот пример, которому хочется и надо следовать».

«Представители ассоциации ветеранов войны Франции восхищены огромной деятельностью Ленина и тем, что всю свою жизнь он посвятил служению своей Родине, человечеству и счастью советского народа».

Парламентская делегация Корейской Народно-Демократической Республики: «Великие идеи В. И. Ленина будут жить вечно».

Президент и Председатель Совета Министров Республики Чад Франсуа Томбалбай: «Все те, у кого в душе остаются бессмертные чувства справедливости и человечности, все угнетенные народы сохраняют и будут сохранять неизменную, незабываемую память о Ленине».

«Парламентская делегация Чили, посетив кабинет и квартиру В. И. Ленина в Кремле, еще глубже поняла величие его разума, величие его духа и поражена скромностью его образа жизни».

Рисунки Е. Елисеева и М. Скобелева.

В. ТАТАРИНОВ

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

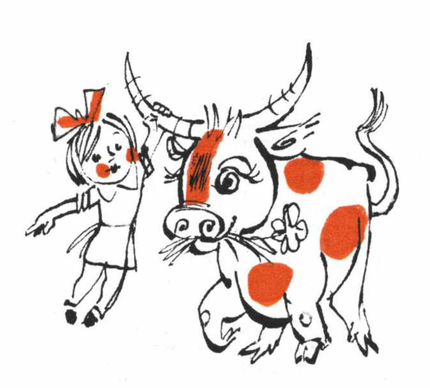
Старичок-лесовичок
Спрятал солнце в сундучок.
И бегом к своей избушке.
Разогнался, как из пушки.
Добежал лесовичок,
Двери запер на крючок
И от радости по дому
Завертелся, как волчок.
— Чок, чок, перечок!
Ты свети, мой светлячок!
Ярче свечки,
Жарче печки
Будет греть мой сундучок.
Я надену колпачок,
Под головку
Кулачок,
Ну, а солнце вместо грелки
Ночью суну под бочок!
...За окном темным-темно,
Старичок уснул давно.
Вьюга скачет,
Вьюга плачет,
Вьюга просится в окно.
По часам уже рассвет.
Где же солнце?
Солнца нет!
Мерзнут звери,
Мерзнут люди.
Никогда весны не будет,
Потому что старичок
Спрятал солнце в сундучок.
Льдом покрылся родничок,
Слезы льет бурундучок,
Не спасет его от стужи
Меховой воротничок.
Землю снегом замело,
А в избушке так тепло!
...Спрыгнул с припечка сверчок,
Приоткрыл он сундучок,
Взял и выпустил светило,
Чтобы всем оно светило.
Но об этом вы молчок...
До сих пор ужасно злится
Старичок-лесовичок.

Тимофей БЕЛОЗЕРОВ

СКОРОГОВОРКИ

1

В поле Поля
Поле пашет.
Ей пилот
Пилоткой машет:
— Ай да Поля!
Ай да поле!
Жди пилота
В гости,
Поля!

2

У боярина-бобра
Нет богатства, нет добра.
Два бобренка у бобра—
Лучше всякого
Добра!

3

Я во двор вела вола,
За рога вола вела,
В хлев вела вола,
А вол
В огород меня
Завел!

БРАВЫЙ ЛЫЖНИК

Александр ГОВОРОВ

Левой — правой,
Левой — правой.
Вышел
к горке
Лыжник бравый.
Осмотревшись,
Оттолкнулся
Палками-толкалками.
И, пригнувшись,
Вниз метнулся,
Управляя палками.
И летит-летит
Под горку —
Только
тучкой
Снег вдогонку,
Только
точкой
Красной
Свитер,
Да в ушах —
Со свистом ветер.
— Еду,
еду
я по снегу,
По стремительному
Следу...
Глядь,
А лыжника
И нету.
Глядь,
Под горку
Тише,
тише
Мчат без лыжника
Две лыжи.
Та — налево,
Эта — прямо.
Та — на север,
Эта — вправо.
Из высокого сугроба
Показались
Палки обе...
...И опять
Шагает браво:
Левой — правой.
Левой — правой.

Владимир ТУРКИН

НАОБОРОТ...

Не помню:
Или в сказке мудрой
Я прочитал, или во сне
Такое сказочное утро
Однажды вдруг явилось
мне.

Проснулся Дед — хозяин
дома.
Плеснул с ладони на лицо
И прошагал по-молодому
Через порожек на крыльцо.

Проснулась Бабка вслед за
Дедом,

Перекрестилась в уголок
На образок, и тоже следом
Просеменила за порог.

Проснулась Внучка. Ходит-
бродит:
«Где Бабка? Поищу пойду.
Не во саду ли, в огороде,
Не в огороде ль, во саду?»
А там — в глазах живые
лучики —

С приветным лаем, хвост
кольцом,—
Уже встречала Внучку
Жучка —
Вся ходуном перед
крыльцом.

И с подоконника, с окошка
Вот в этот дружеский
кружок

Свершила сказочная Кошка
Миролюбивый свой прыжок.

Все собрались, как в
детской книжке...
Все — да не все. Кого-то
ждут.
Кого-то ждут. Конечно —
Мышку.

Она — из норки — тут как
тут.

Что их повызвало так рано?
Кто растревожил все в
дому?

И отчего они так рады?
И почему?
А потому,
Что начинался час восхода,
Проснулось солнышко
вдали
И поднялось над огородом,
Как будто Репка из Земли.

Братья БОНДАРЕНКО

И ЗАЯЦ БЫЛ НА ИМЕНИНАХ

Справлял медведь Спиридон свой день рождения. Со всего леса собрались к нему звери на праздник. Заяц тоже пришел. Пораньше из дому вышел, чтобы получше место за столом занять.

— Опоздаешь, — говорит,— и будешь сидеть где-нибудь на краешке.

Пришел, смотрит — нет еще никого. Он первый. «Вот и хорошо,—думает,— первому мне и место за столом первое».

Сел возле медведя, сидит, гостей вместе с ним поджидает, усы подкручивает: соберутся звери, а уж он — за столом, возле именинника. И будут все глядеть на него и думать: «Заяц-то!.. С медведем сидит».

И тут — шурх, шурх ножками за дверью. Лиса пришла. Заулыбалась, ушки натопорщила.

— С праздничком тебя, Спиридон, с днем рождения!

И к Зайцу:

— Ну-ка, подвинься-ка, косой, я с именинничком-то рядышком посижу.

Отодвинула Зайца от медведя и села на его место. Сидит, хвостом пошевеливает, белыми зубками поблескивает.

«Ничего,— думает Заяц,— быть вторым — это ведь тоже хорошо».

А уж за дверью слышно: «Хр-хр...» Барсук ноги очищает. Вошел, пощурился со света. Сказал:

— Поздравляю тебя, Спиридон. Говоришь, еще один год прожил. Ну что ж, так год за годом и доживешь до конца своей жизни.

И к Лисе:

— А ну-ка подвинься-ка, Рыжая. Давненько я с Иванычем бок о бок не сиживал.

Отодвинул Барсук Лису от медведя, а вместе с ней и Заяц подальше продвинулся. Сидит он на новом месте и думает: «Ну что ж, быть третьим за таким большим столом тоже неплохо...»

А за дверью уже: «Чуф-чуф...» Волк себя в порядок приводит. Перешагнул через порог и лапу медведю:

— Здорово, Спиридон. Рад поздравить тебя. Живем мы как-то с тобой: ни ты ко мне, ни я к тебе в гости не ходим.

И к Барсуку:

— Разреши-ка, браток...

И как двинул Барсука плечом, так он и поехал по лавке, а вместе с ним и остальные все поехали.

Потом еще приходили звери. И еще. И все двигали и двигали Зайца. И вскоре уже не оказалось ему и места за столом. Да и со стола порасхватали все, ничего ему не досталось.

Повеселились звери. Поплясали. Пошли домой. Вместе со всеми и Заяц пошел. Идет, есть ему хочется, а он поднял с земли соломинку и ковыряет в зубах: пусть хоть другие думают, что и он у медведя на именинах был, медвежьего угощения отведал.

Валентин НИКОЛЬСКИЙ

Рассказ

Рисунок Ю. ВЕЧЕРСКОГО.

Иногда Тайка, взяв в руки какое-нибудь письмо, поражалась: ведь в нем могла заключаться человеческая судьба. Могло быть в нем счастье. Могло быть горе. Могла быть любовь.

Люди обращались к Тайке почти беспрерывно. Протягивали в окошечко паспорта, студенческие билеты, воинские удостоверения. Она смотрела фамилии, перебирала письма. Одним она возвращала документ вместе с письмом, другим — без.

В этом да еще в продаже конвертов и марок состояла ее работа. От посетителей ее отделял широкий деревянный барьер и стеклянный экран над ним, бело-матовый, непроглядный, с окошечком, которое она называла визиткой. В такую визитку, кроме лица, у человека ничего не видно, даже фасона шляпы толком не разберешь.

Над Тайкиной визиткой со стороны зала синела четкая надпись: «Выдача корреспонденции до востребования». Перед ней на столе стоял открытый шкафик, поделенный перегородками на ячейки. Они были наполнены пачками писем и помечены каждая буквами. Всеми буквами алфавита, от А до Я, исключая И краткое, Ы, твердый и мягкий знаки.

За день в Тайкиной визитке сменяли друг друга сотни человеческих лиц. Интересно было наблюдать за ними. Одни из них появлялись перед ней лишь, может быть, раз. Их Тайка не запоминала, как встречных пешеходов на улице. Другие ходили на почту месяц, два, три. Потом исчезали. Были и давние, постоянные посетители. Тайка знала их в лицо и по фамилии и документов с них не спрашивала. Возникнет перед ней круглая, толстогубая физиономия — ее руки привычно тянутся к письмам на Б. Бронников. Бронников?.. Ему, кажется, что-то пришло.

Однажды этот Бронников Тайке приснился. Он сердился и грозил пожаловаться на нее начальнику. Она отказалась выдать ему письмо на имя Антонова, а он говорил, что оно предназначено ему, на конверте, дескать, фамилии перепутаны.

Тайке было обидно до слез. Какой хапуга! Получает письма каждую неделю, и все ему мало, мало. Хочет у Антонова, которому впервые за все время поступило, отобрать.

Антонова Тайка запомнила сразу. Он пришел к ней летом в очень жаркий и душный день. Все окна и двери на почте были распахнуты настежь, но это не помогало. Тайка, сидя за своим столом, чувствовала себя, словно в парилке, и потому путалась. Военному отсчитала с трешки сдачи как с пятерки. Расфуфыренной дамочке вместо почтовой бумаги подала открытку, и та на нее накричала...

Раскрытый паспорт лег на барьер. Тайка взяла его, глянула: Антонов. Вытащила письма на А, стала перебирать. Было письмо Антонову, но другому, с инициалами С. П., а этого звали Александр Николаевич. Опять Антонову. И опять другому. Распространенная очень фамилия.

Этому не было. Тайка закрыла паспорт, протянула в визитку. Глаза, с которыми она встретилась взглядом, посмотрели, казалось, прямо в нее. Они были спокойные, ясные, голубые. Они смотрели в нее, проникая все глубже, глубже, в самую глубь ее, и там, внутри у нее, что-то крошилось, таяло, обрывалось.

Антонов взял паспорт, исчез. Пропал за молочным стеклом. В визитке возникло другое лицо. Но Тайка, глядя на него, никак не могла понять, почему оно здесь, что ему нужно, и зачем оно шевелит губами.

В эту ночь Тайка долго не могла заснуть. Было жарко, было душно, подушка жгла. Тайка ворочала ее, отыскивая прохладное местечко, но подушка моментально накалялась снова.

Потом она забылась.

Проснулась Тайка от радости. Это было необычно: ясная радость волной прошла по ней и разбудила. Молчало радио, из общей кухни не доносилось ни звука — тишина. Лишь часы стучали. Она посмотрела на них — половина шестого. «Что это я?» — изумилась она, потом вспомнила вчерашнее и засмеялась. «Антонов,— подумала она.— Антонов Александр Николаевич».

Она спрыгнула с кровати, не одеваясь, подбежала к окну, распахнула обе створки. Лицо, шею, плечи, ноги — всю ее сразу окатило прохладной свежестью. Это было чудесно! Она закинула руки за голову, потянулась так, что хрустнули кости. Она вдруг почувствовала себя сильной и гибкой. Удивительно сильной и гибкой. Как никогда.

На почту Тайка пришла в прошлом году после окончания школы. В институт поступить она и не пыталась. Наплывы были огромные, а училась она так себе, средненько, на тройки, четверки, больше на тройки. Туго давалась ей учеба, особенно русский и математика: как их она ни зубрила, хорошо взять в толк не могла.

Сначала она хотела устроиться куда-нибудь на завод. В последнее время она много наслышалась и начиталась о романтике индустриального труда. Но заводы с крайней неохотой принимали семнадцатилетних, которым по закону полагалось предоставлять уменьшенный рабочий день. Ходила Тайка на «Химмаш», на «Энергетик», на телефонный — всюду отказывали.

Тогда в судьбу ее вмешался двоюродный дядя, пенсионер. Он взялся похлопотать за нее перед знакомым бухгалтером почтовой конторы. И хотя в системе связи тоже не привечали вчерашних десятиклассников, знакомство помогло.

Теперь Тайку не тянуло больше на завод. Ей понравилось на почте, и она иной раз даже пробовала спорить с Милкой Ивлевой. Милка, поступившая на почту на год раньше Тайки, давно разочаровалась в своей профессии и часто повторяла: «Ску-учища у нас. Мура». А на Тайкины возражения усмехалась: «Трудись, трудись до пенсионного возраста. Может, оценят, звание Героя дадут». И Тайка не находилась, что ответить. Действительно, обидная несправедливость проявлялась в этом: почтовых работников, как бы они добросовестно ни работали, высокими почестями не особенно-то баловали, не то что металлургов или гидростроителей.

И все же на почте было интересно. Каких только конвертов не повидала Тайка за год! С изображениями крепостных башен и физкультурников, гор и станций метро, самолетов и памятников. А сколько разных цветных открыток промелькнуло перед ней! Сколько красивых марок! И каких, оказывается, удивительнейших названий только не существует на свете! До прихода на почту Тайка о них и не подозревала. Город Сапожок есть в Рязанской области. Смешно. «Откуда вы?» «Из Сапожка». И Малая Девица есть, и Мама, и Вторые Левые Ламки, и Ерофей Павлович, и Ожерелье, и Серебряные пруды... Письма шли отовсюду — из Москвы, Арктики, Грузии, с Камчатки. И из-за границы поступали, случалось. Заклеенные в бумагу, текли через Тайкины руки беззвучные человеческие слова. Мир молча разговаривал с помощью маленьких четырехугольных пакетиков.

— Ты ненормальная чудачка,— убежденно высказалась Милка Ивлева, выслушав однажды сбивчивую Тайкину речь обо всем этом.— Мир... Заклеенные звуки... Да тебе-то до них какое дело? Не тебе ведь писано.

На почте зажигали свет чуть ли не с полудня: дни стояли темные, холодные, сырые. Небо было в плотных, низких тучах, улицы просвистывал пропитанный дождем ветер, мокли облетевшие деревья, набухали стены домов, по асфальту растекалась водяная брызжущая пленка. Горожане облачились в плащи и калоши, развернули черные перепончатые зонтики. Осень.

Антонову писем не было.

Ни разу он еще ничего не получил. Даже с днем рождения его никто не поздравил. 19 октября ему исполнилось двадцать пять лет.

Тайке было жалко его. Неужели он один на свете? Неужели у него никого нет: ни родных, ни близких, ни друзей?

Нет, кто-то есть. Недаром он ходит на почту, ждет писем.

Но, значит, его забыли.

Особенно его жалко Тайке становилось, когда он, склонившись в визитку, протягивал ей свой паспорт и она делала вид, будто ищет среди писем адресованное ему. Краем глаза она улавливала его лицо, крупное, твердо очерченное, загорелое — необыкновенное лицо. Он терпеливо ждал. А Тайка знала, что напрасно перелистывает конверты: в свежей корреспонденции — она успела проверить — ему не было ничего.

Она сообщала ему об этом. Он выслушивал ее будто бы и безразлично, но она каким-то внутренним, обостренным чувством угадывала, что безразличие это стоит ему усилий.

Тайка все бы, казалось, готова была сделать, чтобы как-то его обрадовать, развеселить. Пусть он хотя бы разочек улыбнулся, что ли.

Но чем она могла его обрадовать, как развеселить? Не самой же ему письма писать. Не говоря уже о том, что Тайка из стеснения никогда бы не решилась на такое, что, кроме изумления, могли вызвать у него ее письма?

О его дне рождения Тайка узнала из паспорта. Много, очень много может поведать о человеке эта тоненькая серо-зеленая книжечка! Родился Антонов в Вологде. По национальности русский. А выдан был ему паспорт в 8-м отделении милиции Ленинграда четыре года назад, и по социальному положению был он тогда учащийся. Наверное, студент. Потому что кто же в двадцать один год учится в школе?

Так что сюда он, должно быть, прислан был на работу после окончания института или техникума.

А если он приехал лишь на практику? И скоро уедет?

Тайке мучительно хотелось полистать его паспорт — посмотреть прописку, отметку о работе и еще хотелось также (ну, просто сил не было противиться этому желанию!) посмотреть в особых отметках, не внесен ли туда кто.

Да как это сумеешь? Не будешь же рыться в паспорте у него на виду. Вот если бы он получил перевод, а она сидела за Милку Ивлеву в переводном окне. Там можно сверяться с пропиской, и все остальное также бы выяснилось.

Можно было бы, конечно, нечаянно уронить его паспорт, а потом как будто бы повозиться под столом в поисках, и Тайка не единожды собиралась так поступить. Но стоило ему показаться в визитке, взглянуть на нее, и она терялась. В ней сразу начинался какой-то переполох. Никогда раньше с ней ничего похожего не бывало.

Она влюбилась в него. Это было несомненно. Влюбилась с первого взгляда через маленькое оконце в бело-матовом стекле ограждения.

Приходил Антонов каждый день. В воскресенье его можно было ждать в любой час, в субботу — в начале четвертого, в остальные дни — всегда около двух. Должно быть, в это время у него был обеденный перерыв.

Тайка гадала, где бы он мог работать. Ясно, поблизости. Но где? Через площадь напротив широко развернулось стеклянно-бетонным фасадом новое здание совнархоза. Может быть, там? Или на «Красном обувщике»? Или в стройтресте? Или в «Метбытремонте»?

Рядом находилось десятка два разных предприятий и организаций, попробуй, определи.

— Здравствуйте,— услышала Тайка.

Она подняла голову.

В визитке был он, Антонов.

— С наступающим праздником вас! — Голос у него был низкий и мягкий.

— Здравствуйте,— расцвела Тайка.— Спасибо. Вас тоже.— И не в силах унять улыбки, добавила: — Вам ничего нет.

Помолчала и, по-прежнему радостно сияя, утешила, как могла:

— Пишут.

Она чувствовала в себе счастье: ведь он заговорил с ней, заговорил впервые, ведь он поздравил ее.

— Пишут,— дернул он ртом.— Да, понятно. Пишут.

И ушел. И стало скучно.

Но когда вечером после работы Тайка отправилась домой, ее охватил восторг. Город украсился к празднику. Он весь был в огнях иллюминации, флагах, лозунгах, портретах. Сновали возбужденные люди, большинство тащило сумки, набитые свертками, коробками и бутылками. Неслись переполненные автобусы и трамваи. «Он меня поздравил. Он меня поздравил!» — ликовало Тайкино сердце.

С этого дня Антонов стал с Тайкой здороваться, иногда заговаривал, шутил.

И ей было удивительно хорошо от этих моментальных свиданий, коротких разговоров да просто оттого, что он есть на свете.

Постепенно холодало. Вода в водопроводе стала такая, что при умывании ломило руки. Тайке в ателье сшили осеннее пальто. Оно получилось великолепное — цвет сиренево-голубой и фасон из польского журнала мод. Никакого сравнения с ее прежним, школьным, мышиненьким. В нем было приятно, и Тайка с

неохотой снимала его даже дома, а на людях она испытывала гордость, что на ней такое пальто. Пальто шло ей. Тайка, разглядывая себя в зеркало, видела, что она в нем красива, как какая-нибудь киноартистка, и ей очень хотелось, чтобы Антонов увидел ее в нем.

В начале декабря Тайка отдыхала три дня подряд. К выходному начальник присоединил ей два отгула. Весь первый день Тайка была занята. Мыла пол, стирала. Стирки накопилось куча. Во второй она ходила по магазинам, выбирала себе на платье, но не выбрала, все ей не нравилось. Зато она наткнулась на безразмерные чулки, выстояла большую очередь, волновалась, достанется или нет, и не зря стояла, купила чуть ли не последнюю пару. Потом пошла в кино, смотрела «Особняк на Зеленой». Переживала до ужаса. В том месте, где герою подсунули бокал с ядом, забывшись, кричала: «Не пей!»

На третий день она не выдержала, поехала на почту. Уже по-настоящему чувствовалась зима. Было ясно, солнечно и студено. Кусты на бульваре Строителей, где она садилась на трамвай, казались выпиленными из хрупкого седого инея. На остановке скопилась небольшая толпа. Дымки вырывались из нее, толпа будто горела — такое совершенно отчетливое впечатление было со стороны. Это людское дыхание вылетало паром на холоде. Подошел Тайкин номер, она села. Промороженный вагон гремел, как жестяной ящик. Окна, затянутые изморозью, были разрисованы смешными человеческими фигурками и рожицами, покрыты надписями: «Инка + Колька = любовь», «Вовка Лысик — дурак», «Ха-ха-ха, хо-хо-хо, хе-хе-хе, хи-хи-хи, гы-гы-гы».

Тайка пришла на почту к часу. На ее месте сидела Милка Ивлева. Она принялась рассказывать Тайке о Славике, с которым недавно познакомилась и который играл на трубе в каком-то оркестре. Тайка слушала ее рассеянно. Стрелки еле-еле ползли по циферблату. Он скоро должен быть. Сейчас. Почему его нет? Он всегда приходил в это время. Может быть, часы врут? Без пяти два. Без трех. Два.

Тайка просидела еще с полчаса. Антонов так и не появился. Она заторопилась, стала прощаться.

А спешить ей, естественно, было некуда. Это она сообразила на улице. Возвращаться домой было рано — и что дома делать? Просто сидеть? И неизвестно было, куда податься.

Она медленно брела по улице. Навстречу ей двигались люди. Люди, люди, много людей. Должно быть, в «Кристалле» кончился сеанс. Ее оглядывали. Тайка сознавала, какая она эффектная в новом пальто.

В числе прочих шел Антонов.

Тайка определила его издали и сразу. Он был в меховой коричневой шапке, зеленом шарфе, и был он очень высокий. Тайка поразилась, какой он был высокий. Почти на голову выше других. Она никогда не думала, что он такая громадина. Через визитку, к которой люди склоняются, рост трудно определить.

Он шагал широко, спокойно, медленно. Он пока не видел ее. А Тайку несло к нему, несло неудержимо, словно бы даже не она сама переставляла ноги, а какая-то сила подхватывала ее и мчала, все ускоряя ход. Губы ее сами собой складывались в улыбку. Все в ней пело. Вот он ближе, ближе. Вот он совсем рядом. Вот он посмотрел на нее.

Он скользнул по ней ничего не выражающим взглядом и проследовал мимо. Даже не поздоровался.

Не обратил внимания.
Не узнал.
Не заметил.

Тайка ревела. Было горько, было обидно, было жалко своей так рано и бесповоротно испорченной жизни.

«Ну и пусть, ну и черт с ним! Подумаешь, не видала я таких!» — затем вдруг распалилась она.

Она решила быть с ним равнодушной и холодной. «Как герцогиня»,— подумала она, вспомнив недавно прочитанный роман из английской истории.

Однако роль английской аристократки оказалась трудной. С высокомерным безразличием Тайка отнеслась к попыткам роскошноусого огромноглазого кавказца расшевелить ее цветистыми комплиментами. Губ не разжала, когда запыхтел в визитке старый ее клиент Бронников. Нагрубила дядьке с серебряным зубом. Но стоило ей увидеть Антонова, услышать его мягкое: «Здравствуйте, почтмейстер»,— и злость и обида ее улетучились.

В конце концов разве он нарочно ее не заметил? В толпе легко пропустить знакомого. С Тайкой тоже такое случалось: идет, и вдруг сбоку кто-нибудь окликнет: «Ты что, узнавать перестала? Зазналась, что ли?» А она не зазналась — задумалась.

И все снова потянулось по-прежнему. Впрочем, нет, не по-прежнему. Теперь Тайке было мало минутных встреч через визитку. Ей хотелось быть с ним дольше, хотелось, чтобы он пригласил ее в кино или на танцы или лучше и в кино и на танцы, и чтобы после танцев он проводил ее, и чтобы они долго стояли в каменной арке ее дома.

Но он медлил ее приглашать. Медлил.

С Новым годом его опять никто не поздравил.

А после Нового года он перестал ходить на почту. Не показывался день, два, три. Тайка места себе не находила. Что с ним? Заболел? Когда же без него минула неделя, и вторая, и третья, и весь январь, она поняла, что это конец.

Словно на двух Таек разделилась Тайка. Одна ходила на работу, смотрела документы, выдавала письма — вела привычную, повседневную жизнь. А внутри первой, не покидая ее ни на миг, сидела вторая, переполненная болью, раздавленная. Внешняя старалась поглубже упрятать в себя внутреннюю, чтоб никто не увидел ее, но это удавалось плохо. Вторая Тайка проглядывала сквозь первую, и на почте по этому поводу болтали, что с девкой приключилось неладное.

— Ребенка ждешь? — прямиком спросила ее Милка Ивлева.

Тайка отрицательно покачала головой.

— Уф! — облегченно вздохнула Милка.— Тогда чего же ты?

И Тайка не выдержала, рассказала.

— Ты ненормальная чудачка,— объявила Милка.— Переживать из-за парней. Хотя бы было что между вами, а то один туман.

Для Милки в вопросах любви не существовало сложности. Она вообще была уверена, что любви нет, выдумали ее писатели и все гораздо проще. На почте запутались в ее симпатиях. То появлялся у нее Володя с «Химмаша», то Гога из лесотехнического техникума. Примелькался было трубач Славик, но недавно Милка дала ему отставку ради большеносого мастера из телеателье.

Раньше Тайка осуждала Милку за ветреность, а сейчас завидовала ей. Ей легко: ни забот, ни хлопот.

А Тайке было тяжело, ох как тяжело! Она никогда не думала, что это может быть так тяжело.

Тайке принесли новое поступление писем — большую пачку. Она раскладывала их по ячейкам. Яковлеву Игорю Борисовичу. Кротовой Эльвире Викторовне. Леониду Петровичу Дымокурову. Антонову Александру Николаевичу...

Тайку жаром обдало.
Их почтовое отделение.
До востребования.
Антонову Александру Николаевичу.
Нет сомнения — ему.

Обратный адрес был: Ленинград, 144, 8-я Советская, 54-а, общежитие ЛИСТ, Соловьевой М. Т.

Так вот от кого он ждал письма! От этой М. Т. — Марии, Марины или Маргариты. От нее.

Письмо было толстое, заказное, с уведомлением о вручении. На конверте — цветная картинка (синее море и белые паруса), большая красивая марка (в темно-фиолетовое звездное небо сквозь стекло шлема смотрит космонавт) и две маленькие марки с гербами.

И в этом письме, в недвижно застывших на бумаге словах могла заключаться его, Антонова, судьба. И той, Марии, Марины или Маргариты. И ее, Тайкина.

Разорвать бы письмо, прочесть, узнать, что скрывается за тонкой конвертной оболочкой.

Но нельзя. Тайка вздохнула и положила его в ячейку.

Народ в тот день повалил. Визитка почти не пустовала. Тайка была занята — оторваться невозможно. И хотя она была занята, она все время видела это письмо (вон оно под левой ножкой буквы А) и думала о нем непрерывно. Она пыталась представить себе неизвестную Соловьеву. Кто она? Какая она? Чем она так приковала Антонова? Красивая очень? Ничего Тайка о ней не знает, кроме того, что Соловьева живет в Ленинграде, в общежитии какого-то ЛИСТа, и что у нее аккуратненький, кругленький почерк. Не знает Тайка, что связывало ее с Антоновым, что произошло между ними, почему она так долго не писала ему и почему написала сейчас. Он очень ждал письма от нее, полгода спрашивал каждый день, а она не писала. Наверное, была равнодушна к нему. Или разлюбила его и наконец сообщает об этом. Нет, вряд ли. Когда человек посылает заказное письмо с уведомлением о вручении, он хочет, очень хочет, чтобы письмо попало по назначению. Значит, тот, кому оно предназначено, нужен. Тайка испытывала к Соловьевой растущую неприязнь.

Запахло весной. С вечера пока подстывало. Под ногами раздавался треск, хруст, шорох снега и разной ледяной мелочи. И по утрам морозило. Машины, трамваи, троллейбусы проносились обросшие понизу, особенно у колес, бородами из грязных сосулек. Но уже отовсюду капало. А днем совсем припекало. В водосточных трубах внезапно пугающе что-то рушилось, шелестело. Снег на тротуарах, утоптанный зимой до каменной прочности, рыхлился, подавался под каблуками. Так было на северных, затененных сторонах улиц, а на южных он совсем стаял, от тротуаров, мокрых, пригреваемых солнцем, валил пар.

Тайка пересыпала нафталином и убрала в шкаф зимнее пальто, облачилась опять в осеннее. Впрочем, какое же осеннее, если его и весной носят? Демисезонное, говорят также.

Таких пальто в городе по-прежнему было разве лишь несколько. В нем Тайка привлекала к себе внимание. Милка Ивлева с завистью косилась на него. А Тайку оно почему-то больше не радовало. Привыкла, видно, к нему. А скорее, ей теперь не до пальто стало. Какие уж тут наряды!..

Письмо лежало в ячейке. Антонов за ним не приходил. Не подозревал о нем, давно отчаял-

Академик Н. В. Цицин.

Фото Д. Ухтомского.

ся его получить. Может быть, Антонова и в городе больше не было, уехал куда-нибудь.

Тайка думала о письме, об Антонове, о Соловьевой из ЛИСТа, о себе. Письмо должно было храниться на почте месяц, а потом отправиться по обратному адресу как невостребованное — таковы почтовые правила.

И Тайка никогда, никогда не узнает, что оно содержало в себе. Уедет в Ленинград четырехугольный пакетик с тайной, которая странным образом коснулась ее.

Ничего она больше не узнает об Антонове, о том, что было у него с этой М. Т. И вообще больше не увидит его.

Антонов никогда не узнает, что М. Т. все-таки написала ему.

М. Т., может быть, будет проклинать себя за то, что не написала раньше, будет реветь, будет мучиться, будет... И Тайка почему-то испытывала удовольствие от этого. Не одной ей страдать. Если Антонов не достался ей, так пусть он и той, неизвестной сопернице, не достанется. Чем меньше дней оставалось до истечения месячного срока, тем больше злорадствовала Тайка. «Так тебе и надо, так тебе и надо»,— повторяла она, представляя, как М. Т. получит назад свое послание.

Она не желала, чтобы письмо попало к Антонову. Она не желала, чтобы он сейчас вдруг появился.

На Антонова она тоже теперь злилась. Полюбил какую-то. Полгода, не пропуская ни одного дня, униженно изнывал в ожидании писем, которые она не писала. Всякую гордость забыл. А на нее, Тайку, бровью не вел. Как будто бы она не девушка вовсе, а автоматический придаток к ящику с письмами.

«А пускай прибегает,— неожиданно пришло ей на ум.— Не дам письма. Скажу, что ему ничего нет,— и все тут».

Чем дольше она размышляла над этим, тем сильнее укреплялась в принятом решении.

Кончался месячный срок. Лишь сутки еще должно было письмо оставаться на почте. Покорно ожидал своей участи голубоватый пакетик с морем, парусами, звездами, космонавтом, с аккуратненькими, кругленькими буковками двух адресов, двух имен. И с неизвестностью, сокрытой в нем. С теплотой или холодностью, с нежностью или безразличием, с любовью или отчужденностью. Скорее все-таки с теплотой, нежностью, любовью. Может быть, с запрятанным внутри молчащим криком, беззвучным зовом, страстной просьбой откликнуться, найтись, не потеряться, не исчезнуть навсегда.

Тайка решила, что не даст ему пролежать ни одного лишнего часа, завтра же возьмет для обратной пересылки.

Вечером Тайка ехала в трамвае. Все места были заняты. Она стоя наблюдала за тем, что делается за окном. А за окном рядом плыл другой трамвай, с потолком, стенами, окнами, светильниками, сиденьями, пассажирами, такой же Тайкой, смотрящей прямо на нее. Этот двойник-трамвай был прозрачен и бестелесен, как призрак. Сквозь него и его пассажиров, сквозь вторую Тайку были видны дома, фонари, мостовая, пролетающие «Волги» и «Москвичи», прохожие — мчался бок о бок, тормозил, останавливался, набирал скорость, мгновенно оборачивался колдовским зеленым пламенем и снова возрождался из него бесшумный трамвайный спутник — дух, существующий и несуществующий. Дух был без колес, он, как, очевидно, ему и полагалось, скользил над землей, не опираясь ни на что.

От происходящего в стекле Тайка отключилась потому, что ощутила аварию. Ей стало неловко. Сейчас шов на чулке поедет в сторону. Показалось, что все с любопытством приглядываются к ней. Она старалась не шевелиться и высчитывала, сколько ей осталось остановок. Получалось — много. Если выйти на ближайшей и в каком-нибудь укромном местечке устранить неисправность, остальную дорогу придется идти пешком: в кармане у нее осталось ровно две копейки, в обед истратилась сверх меры на любимый «Золотой ключик».

Беспокоясь о проклятом чулке, Тайка внезапно заметила в окне что-то, что снова привлекло ее внимание. Она всматривалась в это что-то все пристальнее, не понимая и не задаваясь вопросом, почему оно заинтересовало ее, всматривалась, всматривалась в бледные стеклянные очертания, волнуясь уже.

Она резко оглянулась. Остановилось сердце... И сразу побежало. Антонов был в двух шагах от нее. Прислонившись к стенке, читал газету. В коричневом пальто, зеленом шарфе, зеленой шляпе. Лицо у него было усталое, осунувшееся, морщинки у глаз, на лбу.

Сумятица чувств водопадом захлестнула Тайку. Радость (она видит его!), тревога (какое у него усталое, похудевшее лицо!), обида (он о ней не помнит, определенно не помнит!), злость (влюбился в какую-то там... «листушку») вспыхнули одновременно и затолкались в ней. И еще, спустя мгновение, четко проступила в сознании мысль о письме, которое он так жаждал получить, которое пришло и о котором он не подозревал, и выкристаллизовалась решимость завтра, не теряя времени, отослать это письмо назад. Нет, она вовсе не стремилась, чтобы он был с той, с М. Т.

Антонов перевернул газету. Она была иностранная. «С Нового года ни разу не наведался. Для него я пустое место, автомат в визитке. Тогда встретил на улице и не узнал. Сейчас сел в трамвай и тоже не узнал». Обида, горечь и злость в ней росли.

Антонов сложил газету, сунул в карман. Затем посмотрел в Тайкину сторону. Улыбнулся широко, весело, сделал к ней шаг, слегка склонил голову.

— Здравствуйте, почтмейстер,— сказал он.

— Здравствуйте. Давно не были. А вам письмо у нас лежит.

И сама повергласъ в растерянность от случившегося: и оттого, что он заговорил с ней, и от своих слов. Глаза у него посерьезнели, насторожились.

— Да, давно, с месяц. Из Ленинграда.— Тайка продолжала, холодея, не понимая, почему она разрушает свои же планы, осознавая, что сейчас-то вот она и гибнет, что сейчас-то вот и рушится, не оставляя ни узенького просвета надежды, окончательно, бесповоротно, навсегда рушится ее ненормальная, чудаческая — права Милка! — любовь. Она видела его лицо и видела, что не обманулась: это письмо было ему нужнее всех сокровищ. Потому что на лице его, быстро сменяя друг друга, мелькали выражения недоверия, боязни ошибиться, восторга.

— Да, из Ленинграда. Толстое, заказное, с уведомлением. От Соловьевой.

●

Кологрив,
Костромская область.

УЧЕНЫЙ-КОММУНИСТ

Осенью этого года президент ВАСХНИЛ П. П. Лобанов вручил академику Николаю Васильевичу Цицину золотую медаль имени Мичурина. Но вряд ли многие знают, что именно И. В. Мичурин разжег не угасающий поныне творческий интерес Цицина к смелым экспериментам.

Более сорока лет назад, еще будучи студентом Саратовского сельскохозяйственного института, Николай Васильевич с группой студентов приехал в Козлов, мечтая встретиться с Мичуриным. Знакомясь с работой, проводимой самобытным ученым, он был очарован человеком, сумевшим повелевать природой. Каждому студенту хотелось поскорее высказать свои мечты и планы на будущее, посоветоваться с великим садоводом. Когда очередь дошла до Цицина, он объявил: «Я хотел бы путем скрещивания мягкой пшеницы с твердой создать новую, высокопродуктивную пшеницу, устойчивую против болезней». Мичурин, пристально взглянув на студента, заметил: «Скрещивая пшеницу с пшеницей, получишь пшеницу и ничего другого. Надо искать новые пути в подборе компонента, более сильного, чем сама пшеница».

Словно эстафету, принял Н. В. Цицин от Мичурина девиз, ставший программой жизни: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее — наша задача». В качестве компонента для скрещивания он и выбрал дикорастущий злак — пырей, устойчивый против различных болезней, вредителей, а также мороза, засухи и других неблагоприятных условий среды.

Колышутся на полях совхозов и колхозов тучные колосья озимых и яровых сортов пшенично-пырейных гибридов. Созданы многолетние и зернокормовые пшеницы. Получены исключительно интересные гибридные формы от скрещивания пшеницы с колосняком, ржи с пыреем и много других перспективных гибридов. Генетика, селекция и растениеводство пополнились новыми данными о закономерностях образования новых видов и форм растений, о закономерностях эволюционного процесса.

Пример работы Н. В. Цицина по отдаленной гибридизации, особенно в области скрещивания культурных растений с дикорастущими, положен в основу исследований многих генетиков и селекционеров не только Советского Союза, но и за рубежом. Его методом уже созданы десятки новых, невиданных раньше в природе сортов, форм и видов растений в различных странах мира.

За большие достижения в науке и сельскохозяйственной практике он награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями Советского Союза.

Созданный в Москве Главный ботанический сад Академии наук СССР, бессменным руководителем которого с основания и поныне является Н. В. Цицин,— самый крупный и самый красивый в нашей стране.

Ученый-коммунист Н. В. Цицин, почетный член многих академий мира, активен в общественно-политической жизни своей страны. Трижды избирался в Верховный Совет СССР, более 10 лет он бессменно возглавляет Общество советско-индийских культурных связей, является членом Советского комитета защиты мира.

За выдающиеся заслуги в развитии биологической и сельскохозяйственной наук и в связи с 70-летием со дня рождения Указом Президиума Верховного Совета СССР академику Цицину присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ему ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Доктор биологических наук В. ЛЮБИМОВА,
кандидат биологических наук Т. БУЧ

Изочайнворд Новый год

Этот изочайнворд нарисовали художники Е. Шабельник, А. Грунин, И. Сычев, В. Воеводин, В. Тильман, В. Черников, Б. Боссарт, О. Теслер, Г. и В. Караваевы, Е. Ведерников, Ю. Черепанов.

Отгадайте подписи к рисункам и внесите их в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д.

Фамилии читателей, первыми приславших правильные ответы на изочайнворд, будут опубликованы в журнале.

Ответы на изочайнворд, напечатанный в № 48.

1. Небылица. 2. Архитектор. 3. Разбойница. 4. Автограф. 5. Фрагмент. 6. Турист. 7. Транзит. 8. Трус. 9. Стоматолог. 10. Гомеопат.

Первыми правильные ответы прислали: Л. А. Иванова, К. Н. Белов, В. С. Мараховский, Э. М. Данилов, Д. Н. Михайлов, В. Н. Сорокин, семья Логиновых, А. М. и К. С. Татушины, О. М. Блохина, О. Булатов, Т. Яковлева, Л. Рягузова, М. К. Баялинов, М. Т. Карпов, Э. Н. Суджарянц, Г. Н. Погодина, С. и О. Растворовы, А. В. Савелов, семья Пашегоровых, Р. Медведева.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

ИГРА СТОИТ СВЕЧ

Приз журнала «Огонек» в руках капитана советской сборной Галины Туляковой.

Фото А. Бочинина.

Гандболистки СССР и ГДР ведут борьбу за первое место.

После окончания Международного турнира по ручному мячу есть все основания утверждать, что эта игра стоит свеч, как гласит поговорка. По трибунам Дворца спорта можно было легко определить, как ото дня ко дню рос интерес зрителей, закипали страсти. И, наконец, в день финала — 22 декабря,— когда команды СССР и ГДР решали вопрос, кому владеть главным призом турнира — хрустальным кубком журнала «Огонек», не посвященные в то, что происходит под крышей Дворца спорта, вполне могли бы решить, что там идет хоккейный матч ЦСКА — «Спартак». Но хоккеисты уступили свою арену гандболисткам шести социалистических стран, и теперь московские болельщики поставили рядом с хоккеем и баскетболом еще одну увлекательную игру — гандбол.

События на турнире разворачивались словно по хитроумному сценарию: все ждали триумфального шествия чемпионок мира — венгерок и экс-чемпионок — румынок, но в первый же день команда ГДР, победив команду Венгрии, привлекла к себе всеобщее внимание и горячие симпатии. Только ей и хозяйкам турнира удалось подойти к финишной прямой без единого поражения, и тут-то «автор сценария» блеснул еще раз умением строить острый сюжет. Немецкие спортсменки сразу же повели в счете и удерживали преимущество почти до самого конца.

Лишь за 10 минут до финального свистка советской команде удалось этот счет сравнять. На табло 7 : 7 (именно так — 7 : 7 иногда называют гандбол по числу игроков, составляющих команду).

От ворот к воротам катился вал атак, стремительных, смелых, азартных. Броски вратарей вызывали горячие аплодисменты трибун. Но счет не менялся... Он так и не изменился. Ничья. Но по разнице забитых и пропущенных мячей победа на турнире за командой СССР. Ей и были вручены приз «Огонька» и золотые медали. Второе место завоевали спортсменки ГДР, команда Венгрии заняла третье место.

ШВИТУРИС ЗНАЧИТ МАЯК

Так выглядела обложка первого номера «Швитуриса».

Девичье лицо приветливо и смущенно улыбалось с обложки. Таким увидели литовцы первый номер своего журнала «Швитурис». Было это двадцать лет тому назад, в 1949-м. С той обложки глядела как бы сама молодая Советская Литва.

Тираж журнала был тогда совсем крохотным — семь тысяч экземпляров. Но шли годы, журнал-маяк (швитурис в переводе на русский означает маяк) освещал новь своей республики все сильнее и ярче. Его репортажи актуальны и злободневны, статьи поднимают важные проблемы жизни Литвы. На страницах двухнедельника выступают известные писатели и общественные деятели. А о том, как оформляется журнал, можно судить по такому факту: в прошлом году на Всесоюзном конкурсе «Швитурис» получил диплом I степени за художественное оформление.

Словом, журнал пользуется заслуженной и большой популярностью. Его тираж уже перевалил за сто тысяч. Для республики с трехмиллионным населением это весьма выразительная цифра.

Сейчас у журнала большие планы, связанные с опубликованием материалов, посвященных столетию со дня рождения В. И. Ленина. Недавно журналисты «Швитуриса» и кинработники предприняли серьезный поиск: установили, на какой именно квартире останавливался Владимир Ильич в Вильнюсе в 1895 году. Интереснейший материал об истории этого поиска был опубликован на страницах журнала. А свой двадцать первый год швитурисцы собираются открыть публикацией малоизвестных автографов В. И. Ленина, касающихся его связей с литовскими революционерами.

Мы горячо поздравляем коллектив «Швитуриса» с двадцатилетним юбилеем и желаем литовскому маяку «светить всегда светить везде...».

М. ИСАКОВСКИЙ

НА ЗАРЕ ТУМАННОЙ ЮНОСТИ

Два стихотворения

* * *

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую...
А. В. Кольцов

Вновь смоленские наши края
Затопило, заполнило лето.
И туманная юность моя
Словно вправду поблизости где-то.

То ли бродит в потемках одна,
Где в полях перепелки печалятся,
То ль с друзьями своими она
У костра у ночного встречается.

И уже не торопится прочь,
Непоседа моя быстроногая,
Жадно слушая «Майскую ночь»
Николая Васильича Гоголя.

А быть может, верста за верстой,
Пуще смерти боясь опоздания,
Вновь спешит на свидание к той,
Что — увы!— не придет на свидание.

Или все же, надежды полна,
Позабыв ожидания тщетные,
Той же самой, все той же она
Пишет письма свои безответные.

А быть может, все это не в счет,
Может, хату родную покинула
И теперь уже поезда ждет
В столь знакомом поселке Павлиново?

Здесь ей больше не жить, не бродить —
Новый путь для нее начинается...
. . . .
Если юность нельзя воротить,
То зачем же она вспоминается?!

1968.

* * *

В предзакатном зареве лучей
Я пришел к мосткам через ручей.

Здесь я сам назначил встречу ей —
Лучшей в мире — девушке своей.

Здесь не раз она со мной была,
У мостков не раз меня ждала.

Отчего ж сегодня нет ее?—
Скорбно сердце дрогнуло мое.

Отчего?— Березы говорят:
— Опоздал ты, опоздал ты, брат...

Дуб столетний шепчет в забытьи,
Что дела невеселы мои...

Опоздал!.. Но верить не хочу:
Жду ее, зову ее, ищу.

А в ответ — ни звука, ничего,
Кроме стука сердца моего.

Опоздал! Ну, вот ее и нет.
Опоздал на целых сорок лет...

1960—1968.

А. СОФРОНОВ

Родиться,

«ЛОЖЕ САТАНЫ»

Дорога... Опять дорога... Но как изменилось содержание этого слова. Мы стали любое наше путешествие самолетом называть «дорогой», не решаясь назвать его «полетом». Слишком высокое содержание в слове «полет». У нас уже выработалось суровое недоверие к путевым очеркам, рассказывающим о зарубежных странах. Не раз мне приходилось сталкиваться с негодованием милых и добрых людей, которым мы в редакции возвращали «дорожные записки» со словами:

— Это мы уже читали.

— Как читали? Я ни в одной другой редакции не был. Написал — и прямо к вам.

— Читали в путеводителях и многих дорожных записках, составленных по этим путеводителям.

— Это же не грех.

— Каждое повторение — грех. Читатели этого не любят...

И в самом деле, читатели не любят повторения. Что же делать в таком случае, когда ты попадаешь в путешествие по старым, тысячи раз изъезженным другими путниками местам, и видишь что-то такое, что тебя поразило, а иной раз потрясло, вывернуло душу наизнанку? Молчать? Или все же попытаться сообщить свои наблюдения читателям, большинство из которых не видели всего того, что увидел ты? Мне кажется, последнее более правильно. Но только без путеводителей. Без справок, почерпнутых из многих популярных и не очень популярных изданий, которые тем и хороши, что малочитаемы и поэтому являются бесценным кладом для авторов, открывающих уже давно открытое.

Итак, путешествие без путеводителя. Мы летели на Олимпийские игры по маршруту Москва — Амстердам — Брюссель — Нью-Йорк — Мехико.

Как летели и что мы видели из окна самолета, не имеет особого значения. Запомнится, пожалуй, самый короткий в моей жизни перегон самолетом из чистенького, вылизанного амстердамского авиапорта до Брюсселя. Полет длился 18 минут. «ТУ-104» летел без особого набора высоты, и я вспомнил давние путешествия на телеге по сухой, в колдобинах, сельской дороге, когда под тобой гремят колеса и телега прыгает во все стороны. Полет на расстояние в одну сигарету.

Мне не пришлось раньше бывать в Брюсселе. Только однажды, летя из Лондона, просидел я в маленьком брюссельском аэропорту из-за неисправности самолета. Но это было давно, лет десять назад. Теперь здание большое, вполне респектабельное, нисколько не отстающее по своим габаритам от аэропортов солидных европейских стран. К сожалению, я и несколько наших товарищей оказались без бельгийских виз и застряли здесь. Мои товарищи журналисты отправились в город, а мы остались коротать время, наблюдая, как бродят стайками по просторам огромного пассажирского зала американские летчики. Тогда-то и вспомнилось, что в Брюсселе находится, после эвакуации из Парижа, штаб-квартира НАТО.

Я уже думал, что не придется посмотреть Брюссель. Но нам все-таки повезло. Симпатичная девушка-гид, представительница авиакомпании «Сабена», принесла паспорта, вручила билеты для проезда в электропоезде до центра Брюсселя, где мы должны были попасть с поезда в руки чиновников «Сабены».

Так мы оказались путниками, въезжавшими в Брюссель с окраины. Как известно, окраины любого большого города малопривлекательны. Здесь никаких новостей в этом смысле не было. В конце концов мы оказались в центре Брюсселя и «воссоединились» в отеле «Метрополь» со всей нашей группой. До отлета из Брюсселя оставалось еще много времени. Не сидеть же в сыром темноватом номере отеля?! Мы отправились бродить по городу. Конечно, яркие витрины, пестрая реклама. Зазывалы возле ресторанов. Мы остановились возле одного из кинотеатров. Шла картина «Ложе сатаны». Заманчивое название. Почему бы и не посмотреть, что смотрят на своих экранах жители Брюсселя? Женщина с усталым бледным лицом проводила нас на места. Началась картина. Началась с кадров, показывающих полуобнаженную женщину, распятую на бильярдном столе. Итак, фильм о бильярдистах? Нет, бильярд на экране больше не возникал. Возникли темные улицы Нью-Йорка. Какие-то дома, ободранные квартиры. А затем на протяжении всей картины, из части в часть, кочевали садисты, трое мужчин и ни в чем не уступающая им женщина. Мужчин садисты не трогали. Они появлялись возле квартир и особняков, неслышно вскрывали окна или двери, а если это было невозможно, вызывали женщину из дома, срывали с нее одежду, прижигали ее сигаретами, и сначала три звероподобных, одурманенных то ли алкоголем, то ли наркотиками бандита, а затем и их напарница измывались над обнаженной женщиной. Покончив с одной жертвой, находили другую, и все начиналось сызнова...

Смотреть на все это было противно, но мы все же досмотрели до тех пор, пока одна из жертв вырвалась из рук насильников и, поскольку все бандиты оказались рассредоточенными по парку, выхватив у одного из них пистолет, уложила всех четырех. В картине были еще и другие «ответвления», но они уже не столь существенны, чтобы их вспоминать. Когда на экране замелькали титры второй картины, «Все мои мужчины» — история одной проститутки,— мы поднялись и вышли подышать свежим брюссельским воздухом. Не хочется быть предвзятым, но странное ощущение испытываешь на улицах этих городов, где все мелькает, воет и кричит. Только воздух там был действительно свежий... Еще оставалось время до отхода автобуса в аэропорт. Мы отправились побродить с корреспондентом «Известий» Борисом Федосовым по площади, на которой был расположен отель «Метрополь». Где-то на краю площади вышли к переулку. Пройдя несколько домов, остановились потрясенные. За большой витриной, лицом к стеклу, освещенная розово-синим светом, сидела густо накрашенная женщина. Она читала газету. В окно виднелась мебель — столик, кресла... Наискосок такая же витрина, зеленый свет, мебель и сидящая лицом к стеклу женщина. Она что-то вязала. Через дом — снова за витриной—в золотисто-рыжем свете покрытая красной шалью женщина. Витрины, за которыми сидели женщины, напоминали стекла аквариумов, за которыми плавали большие разноцветные рыбы, тупо смотревшие сквозь стекла на тех, кто был на улице.

— Это страшно,— сказал Федосов.

Было действительно страшно смотреть на фарисейско-изуверское видение общества, где проституция якобы запрещена, но стоит нажать кнопку звонка или потянуть ручку колокольчика, как откроется дверь и через пять минут свет в аквариуме будет погашен.

Что-то подобное я видел в других странах. О том, что такое есть и в Бельгии, слышал, но, честно говоря, не очень верил, все же просвещенная европейская страна! Но вот увидел. Мы вернулись на площадь. Там по-прежнему сверкали витрины закрытых магазинов, на которых были разложены туфли, перчатки, мужские трости, дамское белье, печенье, шоколад.. Возле каждого товара лежала табличка с ценой. Витрины в переулке отличались от других только тем, что цены на них не были выставлены.

В АЭРОПОРТУ КЕННЕДИ

От Брюсселя до Нью-Йорка мы летели в полной темноте. Летели все время в ночь. Измученный многослойным недосыпом, дальней дорогой, невольно вспоминая более просторные места в нашем советском самолете, я проспал почти весь полет. На моих часах было еще московское время. На них значилось 10 утра. В Нью-Йорке было два часа ночи. Откровенно говоря, думалось, что здесь, в аэропорту Кеннеди, можно будет отдохнуть от темноты и скученности. Но ожидания не оправдались. По темному аэродрому нас повели какими-то задними ходами в здание, через узкую дверь впустили в неприбранный, захламленный зал. Пустой, без кресел и диванов, с багажными стойками, на которых лежали кипы квитанций. У стены стоял запыленный американский флаг, сбоку которого висел пожелтевший портрет Джонсона. Как-то дико и странно было видеть все это в таком первоклассном аэропорту. Пренебрежение, то ли случайное, то ли продуманное, чувствовалось к транзитным пассажирам, проделавшим такой длинный путь. Человек двести самых разных национальностей тревожно предъ

ЧТОБЫ ИСЧЕЗНУТЬ

являли посадочные карты. Несколько уборщиков — негров и пуэрториканцев сонными глазами смотрели на нас. Белых здесь не было. Белые ночью не работали. Работа по уборке помещения была не для них. Так мы протоптались часа полтора в душном, прокуренном, темном помещении. Потом появился молодой человек в форменной фуражке и объявил, что можно идти на посадку. Вдруг лицо его посветлело. Он увидел среди других космонавта Германа Титова, летевшего с женой по приглашению олимпийского комитета этим же самолетом в Мехико. Он подошел к Титову, вынул записную книжку, выхватил ручку и протянул их Титову.

— Автограф, мистер Титов!

Титов расписался.

Нас заторопили. И снова темными коридорами, где плавал неживой запах, мы зашагали к самолету. Вдали угадывались огни спящего Нью-Йорка. Они тускло расплывались в ночной темноте. Было пустынно и до странности тихо на этом вечно гудящем аэродроме, которому дали имя Кеннеди. И вдруг перед моими глазами всплыли кадры из дикого фильма «Ложе сатаны», который мы смотрели каких-нибудь двенадцать часов назад во внешне благопристойном европейском городе Брюсселе, где по улицам и площадям в такой же темноте бродят солдаты и офицеры с нью-йоркской пропиской.

«РОЖДЕННЫЕ, ЧТОБЫ ИСЧЕЗНУТЬ»

О том, что было в Мехико во время Олимпийских игр, мы уже писали. Писали тревожно, радостно, по-всякому,— в зависимости от того, как обстояли наши дела на спортивных площадках. Писали мы и о том, чем и как жила Мексика. Времени на различные зрелищные отвлечения у нас почти не оставалось. И тем не менее... Тем не менее что-то доносилось и к нам. Журналист Александр Кулешов, приехавший в Мехико с группой наших борцов много раньше нас, сказал:

— Советую посмотреть американский фильм «Рожденные, чтобы исчезнуть».

— Хороший?

— Не то определение... Но посмотреть стоит...

— Действие происходит в Нью-Йорке?

— По-моему, на побережье Тихого океана.

— А что там?

— Что я вам буду объяснять... Посмотрите сами.

Для этого случая нашлось и время. Определив по газете, в каком кинотеатре демонстрируется фильм, мы попросили нашего молодого друга мексиканца Хавейра Надера, студента, на время Олимпийских игр согласившегося поработать шофером на арендованной нами машине, доставить нас к кинотеатру. Хавейр уже посмотрел эту картину. Мы спросили его мнение. Он пожал плечами.

— Для нас это явление не характерно. У нас так не бывает... Но, к сожалению, в Мехико часто показывают такие американские фильмы... Слишком часто... Молодые люди их охотно смотрят.

— О чем фильм?

Хавейр снова пожал плечами.

— Убийства... Насилия...

Я подумал: еще одно «Ложе сатаны». Но это было далеко не то. Сюжет фильма не сложен. Небольшой городок на побережье Тихого океана. Яркий солнечный день. Гуляют горожане. Среди них стайка юных девушек... Вдруг слышен мотоциклетный гром. На площади на мотоциклах появляется десяток обросших, всклокоченных парней, среди которых и юноши не первой молодости. Они нагло разглядывают девушек. Горожане жмутся к стенам. Боятся. Какой-то молодой человек не уступил бандитам дорогу. Его начинают избивать. На экране все происходит натурально. Кровь, плевки, развороченные скулы—во все возможности цветного кинематографа. Никто не вступается за избиваемого. Нет полиции. Ее нет на протяжении всего фильма. В лучшем случае она появляется уже после того, как преступление совершено. На горизонте возникает фигура моторизованного ковбоя. В обыкновенных джинсах. В простой клетчатой рубашке. В обыкновенном сомбреро. Он один, собственно, и становится противоборствующей силой, храбрецом-одиночкой.

А в это время по красивой дороге вдоль океана, тоже на мотоцикле, мчится само олицетворение красоты и непорочности — юная девушка, по жаркой погоде соответственно и одетая... Во всяком случае, одетая так, чтобы зажечь вожака банды... Дальше и начинаются главные события фильма. Девушка попадает в руки моторизованных бандитов. Ее привозят в их вертеп, где идет пьянка, насилие, бог знает что... Но ей все же удается обмануть бандитов и удрать. За ней гонятся... Ее почти настигают. Она стучит в закрытые двери домов, но двери не открываются... Люди боятся. Девушка снова в руках бандитов. Насилие на экране воспроизводится весьма натурально. Героиня в больнице... Бандиты насилуют других девушек... Одна из них сходит с ума... Дикий натурализм, зверство и садизм кадр за кадром возникают на экране... Нет нужды подробно воспроизводить весь сюжет картины. Герой-одиночка борется с бандитами, убивает главаря.. Снова насилия. Кровь, разбитые лица, лужи крови, обнаженные тела девушек, побоища... Чего только нет! Безысходность. Все топчется: молодость, красота, сама жизнь... Люди появляются на свет для того, чтобы исчезнуть. Никакого проблеска... И все это среди красот южной природы, ярких цветов и синих далей! Жуть. Тьма!

Неужели так и в самом деле живет Америка? Та Америка, которая Соединенные Штаты? Или это все для устрашения? Для того, чтобы внушить юношам и девушкам мысль о том, что жизнь их не стоит ломаного гроша?! Но ведь это не только для самой Америки. Эти фильмы, как змеи, расползаются по всему миру. Они будят в человеке не только страх, но и звериные инстинкты. Мерзость!

Молча мы вышли из кинотеатра. Рядом с нами молча выходили мексиканские юноши и девушки. Те самые молодые люди, которые так темпераментно разговаривали возле театра до начала сеанса.

Несколько лет назад, в последний год жизни Николая Федоровича Погодина, уже в конце нашей поездки по Соединенным Штатам оказались мы с ним в Лос-Анджелесе. Погодин очень хотел посмотреть Голливуд, побеседовать с актерами и режиссерами. Были праздничные дни, и в Голливуд мы не смогли попасть. Но встреча с кинодеятелями все же состоялась в доме одного из кинорежиссеров. Хозяин и все, кто был тогда в том доме, дружески отнеслись к нам. Много расспрашивали о советском кинематографе, о знаменитых наших актерах, вспоминали Эйзенштейна, Григория Александрова, Александра Довженко, Любовь Орлову... Они знали лучшие наши фильмы. Николай Федорович был в хорошем настроении, отвечал на вопросы весело и остроумно. Я сидел рядом с печальной, еще не старой женщиной, говорившей на русском языке. Среди веселья и оживления, царивших в тот вечер, она выглядела странно.

— Мы живем в каком-то кошмарном сне,— говорила она.— Дети наши ни во что не верят, ни о какой морали не может быть и речи. В тринадцать-четырнадцать лет наши дочери уже знают все... Остановить мы их уже не можем. Тех, кто пытается как-то остановить все это, не слушают, на них смотрят, как на сумасшедших... И самое страшное, что вот эти люди, которые сидят вокруг нас, эти люди и делают все, чтобы все так было... Деньги, коммерция, бизнес — остальное не имеет значения... У меня дочь, ей семнадцать лет, мне страшно на нее смотреть... Что с ней будет? Что будет с нашим обществом?

Возвращаясь в отель, мы с Погодиным обменивались впечатлениями.

— Чудные люди,— говорил Погодин,— такие отзывчивые, гостеприимные, но удивительно странные... Реклама, успех, бизнес... Как будто ничего другого нет на свете.. Нет, милый друг, скорее, скорее домой, к нашим дракам, спорам, но своим, без всего этого... Больные какие-то они...

Встречу на берегу Тихого океана в доме американского кинорежиссера я запомнил, а особенно надсадный разговор с неизвестной мне женщиной, как-то по-детски открывшей душу. С тех пор я не был в Соединенных Штатах. Теперь мне снова предстояло побывать в Нью-Йорке.

Окончание следует.

Патрик **КВЕНТИН**

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ДЕЛО ПО

ПАТРИК КВЕНТИН — литературный псевдоним Х. К. Уилера (1912 год рождения) — американского писателя, работающего в остросюжетном жанре, автора нескольких романов, повестей и рассказов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Утверждают, что перед тем, как встретить какого-то человека после долгой разлуки, вы обязательно подумаете о нем. Не могу сказать этого о себе. Покидая на такси аэропорт «Ла Гуардия», я размышлял о том, что Ч. Д. будет доволен результатами моей поездки в Чикаго. Потом я подумал о жене. Хотелось, чтобы она уже вернулась с Лонг-Айленда. С наивностью довольного всем на свете человека я даже уверял себя, что в общем-то не так уж трудно чувствовать себя счастливым — надо только смирить гордыню и подчиняться определенным правилам.

Что же касается Анжелики, то мне и в голову не приходила мысль о ней.

Прошло уже два с лишним года, как я излечился от своей страсти. Излечение шло нелегко. Ведь предстояло так много забыть, в прошлом было так много любви и так много горя. После того, как наш развод стал фактом и я женился на Бетси, меня еще долго преследовали мысли об Анжелике. Причиной тому был Рикки. Часто, наблюдая, как он карабкается из сада на террасу дома Ч. Д., или целуя его перед сном, я вдруг ловил себя на мысли, что вижу Анжелику: так напоминал он ее выражением своих не по-мальчишески серьезных глаз, своими черными шелковистыми волосами, всем своим обликом. Воспоминания о пережитых восторгах, надеждах и полном крахе недолгого семейного счастья охватывали меня, вызывая острую тоску о мире, из которого я ушел. Только присутствие Бетси помогало отогнать мучительные воспоминания. И, когда я видел, как Рикки бежит к ней или протягивает из кровати ручонки, на душе у меня становилось спокойнее при мысли, что хоть он-то забыл Анжелику и будет знать только одну мать — Бетси. Постепенно ясное и прочное настоящее вытеснило беспокойное прошлое, и воспоминания об Анжелике, в которой я видел когда-то свою первую и последнюю любовь, потускнели и перестали меня тревожить.

Такси было старенькое. Мы плелись по Третьей авеню в тени опор надземной железной дороги, направляясь к Бикман-плэйс. В районе Сороковых улиц водитель остановил машину и заявил:

— Прокол, мистер. Придется вам пересесть в другое такси.

Я расплатился, взял свою сумку и вышел. На город опустилась холодная, беспокойная мартовская ночь. Часы показывали половину двенадцатого. Вдали на плохо освещенной улице я увидел приближающееся такси и уже поднял было руку, собираясь остановить его, как заметил на углу обычный для этого района бар; тусклая неоновая вывеска призывала прохожего зайти и насладиться всеми прелестями уютной обстановки. Только тут я вспомнил, что ничего не пил в самолете, повернулся спиной к подъезжавшему такси и вошел в бар.

В глаза мне бросился работающий телевизор. Кто-то выключил звук, и кадры на экране мелькали, словно в старом немом фильме. В углу стонала радиола-автомат. Двое посетителей, расположившись у двери, доказывали друг другу, какую незаменимую роль играет каждый из них в своем деле. Я направился в глубину бара, отыскивая свободное место.

И тут я увидел ее.

Бар был освещен довольно скупо, а она сидела к тому же в тени кабинки, но я сразу узнал ее. Глубоко потрясенный встречей, еще не придя в себя, я сел напротив нее и положил рядом сумку.

— Анжелика!

Моя бывшая жена никогда и ничему не удивлялась. Она лишь взглянула на меня большими серыми глазами и сказала:

— Биль... Биль Гардинг!

Ни тени смущения или радости. Словно мы только что пообедали вдвоем, словно это не она три года назад, в Портофино, бесстыдно бросила меня и ушла к Чарльзу Мэйтленду. Я был отцом ее единственного ребенка, но и это не пробудило теплоты ни в ее взгляде, ни в ее тоне. Она держалась так, будто к ее столику подошел случайный знакомый, имевший право лишь на холодную вежливость, не больше.

Я много раз представлял себе нашу встречу, и всегда думал о ней как об исключительном событии, в котором переплетутся и обида и возмущение, и не исключал, что прежняя влюбленность вспыхнет во мне с новой силой. Однако молчаливый отказ Анжелики придавать какое-либо значение этой встрече подействовал и на меня; мне показалось, что я тоже ничего не испытываю, разве что некоторое любопытство и настороженность.

— А я и не знал, что ты в Нью-Йорке.

— Приехала несколько недель назад.

— Из Европы?

— Из Калифорнии.

К столику подошел официант.

— Ты одна?

— Да.

— Хочешь чего-нибудь выпить?

— Спасибо. Рюмку вина, если можно.

Я заказал виски, и официант ушел. Анжелика сидела в затененном углу кабины, но теперь подвинулась на скамейке поближе ко мне, чтобы взять свою сумочку, и я впервые отчетливо ее разглядел. Она по-прежнему была красива — я всегда считал ее самой прекрасной из женщин, которых когда-либо встречал. Но тут же бросилось в глаза — и встревожило — что-то новое в ней. Мне показалось, что Анжелике недостает главных ее качеств — постоянного душевного покоя и упрямой, порой едва не доводившей меня до сумасшествия уверенности в своей правоте. На ней было какое-то старенькое пальто, шея повязана красным шарфом. Она выглядела больной и жалкой. Никогда бы

не подумал, что Анжелика может выглядеть жалкой.

— Тебе нездоровится? — спросил я.

Продолжая рыться в сумочке, она вздрогнула, словно мой вопрос застал ее врасплох.

— Извини, Биль, ты что-то сказал?

— Я спросил, здорова ли ты.

— Не совсем.

— Тогда сидела бы дома.

— Хотела повидать кое-кого.

— И этот «кое-кто» не пришел?

— Да. Джейми совершенно не считается со временем.

Я не стал упоминать имени Чарльза Мэйтленда, но спросил:

— Ты так и не вышла замуж?

— Нет.

— А кто этот Джейми?

— Писатель,— ответила Анжелика, избегая смотреть мне в глаза.— Сейчас у него трудное время, но наступит день, когда он прославится.

Да, она совсем не изменилась. Повторялась старая история. Неужели Анжелика никогда не избавится от навязчивой идеи подарить миру взлелеянного ею гения? И неужели ее ничему не научила история со мной?

Внезапно мне показалось смешным, что я опасался встречи с ней. С тех пор, как мы расстались, много безответных вопросов отравляло мне жизнь. Как она могла бросить меня ради Чарльза Мэйтленда? Почему скрылась, не захотев ничего объяснить? Почему выбрала для бегства время, когда я особенно в ней нуждался? Именно теперь, возможно, я мог бы услышать ответы на эти вопросы, но понял, что они абсолютно меня не интересуют. И Анжелика, и ее красота, и ее мир, мир богемы и неврастеников, вдруг показались мне такими же неинтересными, как случайно обнаруженный в альбоме снимок, сделанный в дни давно забытого летнего отпуска.

Анжелика вынула из сумочки губную помаду и зеркальце и принялась освежать краску на губах. Она словно забыла обо мне, но потом вдруг спохватилась. Сухим, холодно-любезным тоном — так она всегда разговаривала с наскучившими и неинтересными людьми — Анжелика заметила:

— Ты, конечно, ничего больше не пишешь?

— Нет. Слава богу, наконец-то до меня дошло, что никакой я не писатель.

Только тут я обратил внимание на ее левую руку; на среднем пальце она носила кольцо с гранатом в форме дельфина[1]. Кольцо когда-то принадлежало моей матери, и я подарил его Анжелике шесть лет назад, накануне нашей свадьбы, в доме ее отца. И само кольцо и тот невероятный факт, что Анжелика все еще продолжала его носить, заставили меня окончательно потерять равновесие.

Но Анжелика, казалось, ничего не заметила. Она не торопясь положила обратно в сумочку помаду и зеркальце, потянулась за рюмкой, но промахнулась и, смутившись, положила сжатую в кулак руку на стол.

— Ты ведь женился на Бетси Кэллингхем? — спросила она деланно-любезным тоном.— Об этом писали газеты.

— Да.

— А с Полем Фаулером продолжаешь встречаться?

Я было удивился, с чего вдруг она упомянула Поля, но вспомнил, что он был моим единственным старинным приятелем, которого знала Анжелика. К тому же Полю пришлось стать участником и очевидцем этой истории в Портофино.

— Да. Мы с ним встречаемся, и довольно часто. Он работает в той же благотворительной организации, которую возглавляет Бетси.

— А ты? Ты что-то делаешь для журналов ее отца?

— Правильно. Я занимаюсь рекламой. Мой начальник вот уже две недели болен, и я руковожу всем рекламным отделом.

— Что?

— Руковожу рекламным отделом.

Ее рука снова принялась искать рюмку. Анжелика держалась как-то странно, и я с тревогой подумал, не пьяна ли она. В прежние времена даже на самых бесшабашных вечеринках Анжелика никогда не выпивала больше рюмки вина.

— Ты счастлив? — запинаясь, внезапно охрипшим голосом спросила она.— Это ведь главное, правда? Я хочу сказать...

Она вдруг поднялась без всяких видимых причин, постояла и закачалась. Я едва успел вскочить и подхватить ее, когда она чуть не повалилась, смахнув на пол одну из рюмок. Держать ее было неудобно, я с трудом обогнул столик и обнял ее за талию. Она сразу обмякла, даже сквозь ткань платья чувствовалось, что она вся горит.

— Но ты же в самом деле больна!

— Пустяки. Просто закружилась голова. Сейчас все пройдет. Извини.

Она еще сильнее оперлась на меня, но я не почувствовал даже слабых признаков того волнения, что всегда охватывало меня при одном лишь ее прикосновении; наоборот, я испытывал сейчас лишь беспокойство и раздражение.

К столику подошел официант с заказанным виски. Он неодобрительно взглянул на нас.

— Не вызвать ли такси, сэр?

Анжелика прикрыла глаза рукой, для нее было непереносимо даже неяркое освещение бара. Я не мог оставить ее здесь и уйти в надежде, что сюда явится и займется ею писатель, тот самый, что «переживает сейчас трудное время и не считается со временем».

— Да, пожалуйста,— ответил я.

Официант поспешно ушел. Я осторожно вывел Анжелику из кабинки, провел мимо радиолы и усадил на стул. На нас уже смотрели, но ведь Анжелика всегда привлекала внимание. А вообще-то, скорее всего, мы были для посетителей бара лишь участниками очередного инцидента, обычного для такого рода заведений.

— Я провожу тебя домой,— сказал я.

— Мне еще надо побыть здесь. Я же обещала...

— Ерунда.

— Но ты не знаешь Джейми. Ты...

— Где ты живешь?

— Не скажу.

— Нет, скажешь!

Анжелика задрожала и еще крепче вцепилась в мою руку. У нее тут же пропало всякое желание спорить со мной.

— Ну хорошо, если ты настаиваешь...— И она едва слышно пробормотала адрес на Западной Десятой улице.

Скоро вернулся официант.

— Такси у подъезда, сэр.

Свободной рукой я достал бумажник и расплатился за себя и Анжелику. Она выпила всего рюмку вина. Официант поднял мою сумку, я вывел Анжелику из бара и посадил в такси.

Усаживая ее на сиденье, я почувствовал бесстыдное желание сообщить шоферу адрес Анжелики и отправить ее домой одну. Какой-то внутренний голос настойчиво предупреждал меня не поддаваться искушениям прошлого, в какой бы форме оно ни пыталось овладеть мною.

Все решило появление официанта. Полагая, что мы поедем вместе, он положил в такси мою сумку. А впрочем, я все равно, наверно, не смог бы уклониться от поездки; тем более у меня не хватило решимости на глазах у официанта взять из машины сумку и уйти.

И я сел в такси.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Анжелика молча сидела в машине, прямая и неподвижная. Лучи светофора на мгновение осветили ее профиль. Я старался не смотреть на нее и гнал от себя воспоминания. Я пытался заставить себя рассматривать нашу поездку как нечто скучное и нежелательное для нее и для меня. Провожу ее домой, а если там нет никого, кто сможет ей помочь, подожду, пока она не уляжется в постель, и в случае необходимости вызову врача. После этого вернусь в настоящее, к Бетси.

Казалось, нашей поездке не будет конца, и к тому времени, когда такси свернуло на Шестое авеню, молчание стало невыносимым.

— Тебе лучше? — спросил я, взглянув на нее.

— У меня, должно быть, был обморок,— слабым голосом ответила Анжелика.— Извини, пожалуйста. Я болела гриппом и все еще чувствую большую слабость. Ты прав. Мне бы не надо выходить из дому, но... было очень важно...

— Разве этот Джейми не знает, что ты больна?

— Знает.

— Тогда почему, если уж ему так захотелось тебя повидать, он не пришел к тебе домой?

Она ответила не сразу.

— Видишь ли... все это очень сложно.

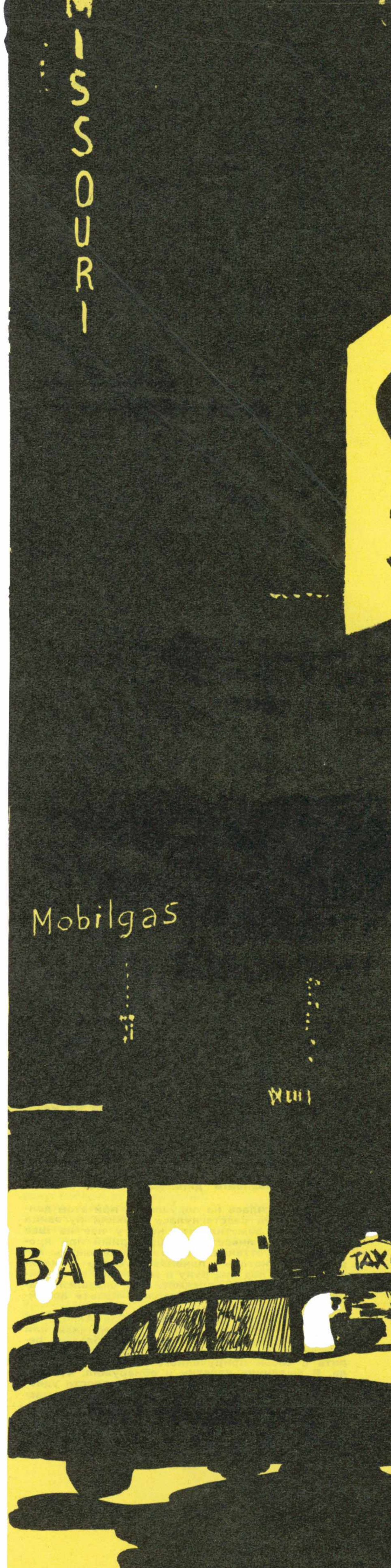
Анжелика явно не хотела ничего объяснять, да и я, признаться, не жаждал услышать, кто занял вакансию Чарльза Мэйтленда.

— Ну, скоро мы доедем,— заметил я.

— Да.

Такси остановилось в жалком квартале Вилледж. Должно быть, той ночью намечалась очередная уборка мусора, потому что на тротуаре выстроились, будто на унылом параде, баки и ящики со всякой дрянью. Пока я расплачивался с водителем, Анжелика кое-как выбралась из машины, но, ступив на землю, пошатнулась.

[1] Фигура дельфина в геральдике символизирует любовь, нежность и пр. (Примеч. перев.).

Я подхватил ее и помог удержаться, потом провел мимо кучи пустых коробок по ступеням каменного крыльца к грязной стеклянной двери. Все кругом выглядело уныло и мрачно.

Анжелика порылась в сумочке и достала ключи.

— Спасибо, Биль. Теперь я чувствую себя вполне нормально.

Она попыталась вставить ключ в замок, но не смогла. Мне пришлось самому открыть дверь. Из длинного коридора повеяло застоявшейся затхлостью.

— Кто-нибудь живет в квартире, кроме тебя?

— Нет. Это квартира приятеля Джейми, он разрешил мне временно пожить здесь.

— Я тебя провожу.

Вся гордость Анжелики, несомненно, восставала против такой зависимости, но она чувствовала себя слишком слабой, чтобы протестовать. Я помог ей подняться по лестнице. Квартира находилась на третьем этаже. Дверь открывалась в крохотную гостиную, выкрашенную в розовый цвет. Вся мебель состояла из шаткого стола и до нелепости огромного старого кресла, спинку которого украшали оленьи рога. Дверь в спальню была открыта, и я мог видеть неубранную постель и валявшиеся на полу туфли Анжелики. После трех лет жизни с Кэллингхемами я даже забыл, что люди могут жить в таких вот условиях. Мне казалось оскорбительным и чудовищным, что такая красивая женщина должна прозябать в подобной трущобе.

Как только мы вошли, Анжелика высвободила локоть из моей руки и бессильно опустилась в кресло. Я поставил свою сумку на пол у двери.

— Тебе надо прилечь.

— Да, да.

— Ты сможешь сама раздеться?

— Смогу. Послушай, Биль, теперь уже нет необходимости...

Я пошел в спальню, отыскал пижаму и принес в гостиную.

— Прости, но во всей квартире нет ни капли вина.

— И не нужно.

Я вернулся в спальню и через нее прошел в кухню, служившую одновременно и ванной. На столе среди грязных тарелок стояло несколько пустых банок из-под консервов. Внезапно с чувством неловкости я подумал: бывает ли она сыта каждый день, и вообще водятся ли у нее деньги? Впрочем, решил я, нечего о ней беспокоиться. От алиментов она отказалась, а накануне нашего развода получила кое-какое наследство от деда. Во всяком случае, все это теперь меня совершенно не касалось.

На раковине стоял флакон с таблетками; на столе я увидел телефон и машинально прочитал его номер. Потом я возвратился в спальню, на ходу поправил постель и прошел в гостиную.

Анжелика уже переоделась в пижаму и теперь сидела в уродливом кресле с оленьими рогами, полуприкрыв веки с длинными ресницами. Куртка пижамы была застегнута на все пуговицы до самого горла. В свете электрической лампочки без абажура, подвешенной к самому потолку, она выглядела трогательно беззащитной, как спящий ребенок, как Рикки. Я помог ей перейти в спальню, уложил и накрыл одеялом.

— Так как же с доктором?

— Нет, нет! Он все равно приедет завтра утром.

— Ты уверена?

— Да. Мне уже значительно лучше.

— Может, примешь какие-нибудь таблетки?

— Пожалуй. Те, что на кухне. Думаю, хуже не будет.

Я принес флакон с таблетками и стакан воды. Рукой, на пальце которой было надето мое кольцо с гранатовым дельфином, она взяла таблетки и поднесла ко рту стакан. Я поддерживал ее голову. Как было бы хорошо, если бы я не видел кольца! Вопреки всему, что я пытался себе внушить, у меня снова появилась тревога за нее.

— Тут есть кому позаботиться о тебе?

— Да, да, иногда заглядывает женщина из соседней квартиры.

— Тебе бы не стоило оставаться одной в этой дыре,— неожиданно для самого себя сказал я.

Анжелика внимательно посмотрела на меня, и на губах у нее появилась слабая насмешливая улыбка.

— А где же, по-твоему, мне жить? Может, в первоклассном отеле?.. Уходи, Биль. Прошу тебя. За твою заботу — спасибо. Мы разошлись и никогда не вернемся к прошлому. Нет смысла восстанавливать дипломатические отношения.

Она опустилась на подушки, и при этом движении у нее расстегнулась верхняя пуговица пижамы. Я заметил, что кожа у нее на шее приобрела темноватый, характерный при кровоподтеках оттенок. Собираясь поправить подушки, на которых покоилась голова Анжелики, я сунул под них руку и наткнулся на какой-то металлический предмет. Это оказался старый автоматический пистолет «кольт» армейского образца.

Я не поверил своим глазам. Для Анжелики, которую никто не назвал бы истеричной или женщиной, склонной к позерству, обладать револьвером было так же неестественно, как водить с собой прирученного детеныша леопарда. Я выдвинул каретку и обнаружил, что пистолет заряжен. И теперь уже не просто удивление, а предчувствие какой-то серьезной опасности охватило меня.

— Для чего он тебе? — спросил я.

Анжелика (она пока ничего не замечала) повернулась, увидела пистолет и нерешительно протянула руку.

— Отдай!

— Я хочу знать, для чего ты его приобрела.

— Не твое дело.

— Отвечай!

— Нужно было, вот и приобрела. Отдай!

Я снова посмотрел на ее горло. Анжелика перехватила мой взгляд и подняла руку, собираясь застегнуться, но я удержал ее и слегка оттянул материю. На шее виднелись темно-красные синяки, не оставлявшие сомнения в том, как они появились. Я увидел отчетливые отпечатки пальцев и подтеки вокруг них.

— Тебя кто-то пытался задушить? — изумленно воскликнул я.

— Не расспрашивай, Биль.

— Когда это произошло?

— На днях. Но это же пустяки. Он был пьян... Он...

— Джейми?

— Да.

— И ты не заявила в полицию?

— И не подумала.

— Зато приобрела вот это? — спросил я, показывая на пистолет.

— Мне казалось, так будет безопаснее.

— Понимаю, почему ты сегодня пошла в бар. Чтобы избежать с ним встречи здесь. Ты решила, что там будет спокойнее?

— Да.

— Вообще-то что за чертовщина происходит? Что он за...

Пронзительно зазвенел звонок от входной двери — продолжительный и вызывающий. Кто-то упрямо держал палец на кнопке.

Анжелика насторожилась, на лице у нее появилось выражение отчаяния и глубокой усталости. Звонок по-прежнему заливался пронзительным звоном.

— Теперь на всю ночь,— заметила Анжелика.

— Джейми?

Она кивнула.

— Сейчас я от него отделаюсь.

Анжелика мгновенно повернулась ко мне, с нее словно упала маска, которую она носила все последние часы, пока мы были вместе. Теперь для нее не имели значения ни собственная гордость, ни неприязнь ко мне. Единственное, что она испытывала,— полное изнеможение и горечь от сознания того, что бессильна справиться с создавшимся положением.

— Пожалуйста, Биль. Объясни ему. Скажи, что я была в баре. Скажи, что я больна и не смогу с ним встретиться сегодня. Только сегодня.

Звонок, терзавший наши нервы, смолк, но через мгновение снова заполнил всю квартиру. Я положил пистолет на кровать и пошел в гостиную.

— Только не делай ему больно! — торопливо заговорила Анжелика; ее голос показался мне до приторности заботливым — не всякая мать говорит так о ребенке.— Прошу тебя! Он не виноват. Он не владеет собой, когда пьян... Только я одна... только я нужна ему. Он же по-своему любит меня!

По-своему любит ее! Дальше я не мог слушать, меня переполняли отвращение и злость не только к Джейми, но ко всему миру, который допустил, что Анжелика, моя бывшая жена, моя бывшая любовь, пала так низко.

Спускаясь по лестнице, я дрожал от нетерпения при мысли, что вот сейчас, через минуту, получу возможность излить свою злобу, свою горечь и разочарование, накопившиеся за вечер.

Сквозь стеклянную дверь прихожей я увидел фигуру человека. Он стоял, пошатываясь, и время от времени наваливаясь в поисках опоры на доску со звонками. Открыв дверь, я подошел к мужчине и толкнул его. Очевидно, я не очень сдерживал себя, потому что мужчина еле удержался на ногах. Он повернулся, помотал головой и, растерянно мигая, уставился на меня.

Человек был невысок и очень молод. В тусклом свете, проникавшем сюда из прихожей, он показался мне юношей лет девятнадцати, необыкновенно красивым, даже вот в таком виде, в состоянии сильного опьянения. У него были иссиня-черные волосы и такие же глаза. В его облике не было ничего устрашающего, он вполне мог сойти за игрока на лютне с картины Караваджо или подвыпившего пастушка на празднике в честь Бахуса.

Я представил его вместе с Анжеликой и содрогнулся от отвращения. («Он по-своему любит меня!») И все же, как ни нелепо, к моему гневу примешивалась глухая ревность.

— Убирайся! — крикнул я.

Он снова замигал, принял позу боксера на ринге и выглядел теперь до карикатурности смешным, поскольку его так и водило из стороны в сторону.

— Убирайся? Что ты сказал? Повтори! Убирайся?!

— Она больна и не хочет, чтобы вы ей надоедали.

— Надоедал?! Это я-то?! — Не спуская с меня взгляда, он прищурился, подскочил к двери и нажал кнопку звонка.

— Открой! — заорал он.— Открой, шлюха!

Я схватил его за руку и оттащил от звонка. Джейми словно взбесился. Размахивая кулаками, он набросился на меня, норовя ударить коленом. Все это было скорее смешно, чем опасно, и все же пугало своей яростью. Я отступил в сторону и, когда он, сделав по инерции шаг, поравнялся со мной, с силой ударил его. Джейми влетел в прихожую, замычал и тяжело рухнул на пол.

Некоторое время я молча смотрел на поверженного врага, по-прежнему испытывая злость и вместе с тем удовлетворение. Оставлять его в прихожей было нельзя. Очнувшись после моего ухода, он снова принялся бы терзать звонок.

Я вышел на крыльцо и постоял. Из какого-то притона доносились приглушенные расстоянием звуки джаза. Улица была совершенно безлюдной; я слышал, как в одном из баков с мусором хозяйничает крыса. Из-за угла показалось такси, я помахал водителю, и машина направилась ко мне. Вернувшись в прихожую, я нагнулся над Джейми, тщательно осмотрел его карманы и в одном из них нашел бумажник с тремя долларами. Деньги я вынул, а бумажник положил обратно.

С улицы вошла женщина — высокая блондинка в пальто из верблюжьей шерсти, но без шляпы. Сначала ее появление показалось мне прямо-таки загадочным — еще минуту назад улица была пустынной, но потом я сообразил, что она, должно быть, приехала в такси, которое я подозвал.

Женщина взглянула на лежавшего Джейми, потом на меня. У нее были большие, много повидавшие глаза и крупные, слегка выступавшие вперед зубы.

— Ну-с,— заметила она.— Неприятности, как я вижу.

— Все в порядке.

— Уж эти мне мужчины! Им бы только забавляться.

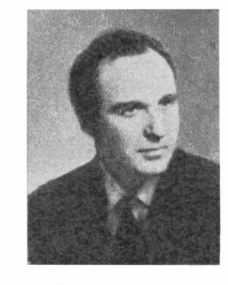
Она вынула ключ, открыла стеклянную дверь и вошла в квартиру. Я поставил Джейми на ноги и с силой встряхнул. Это помогло ему несколько прийти в себя, но он вряд ли что-нибудь соображал. Безвольно цепляясь за мою

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ЗА 1968 ГОД

Н. Адамян

Е. Алексеевский

В. Гиппенрейтер

Димитр Гулев

И. Месхи

А. Панфилов

Б. Стрельников

Н. Томский

Л. Шерстенников

В. Шошин

Ф. Алиева

В. Астафьев

Л. Бородулин

А. Бочинин

В. Воеводин

В. Воронцов.

А. Колосков

М. Дудин

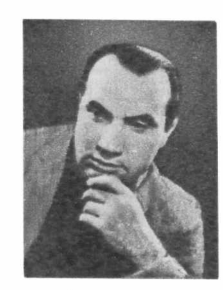

Е. Кацман

Р. Коваленко

Г. Куликовская

П. Лебедев

Г. Макаров

И. Машбац

И. Попов

Е. Поповкин

К. С. Причард

В. Пушкарев

А. Сербин

В. Сидоров

Ю. эс-Сибаи

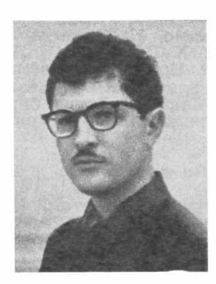

Л. Федорова

В. Фирсов

М. Халфина

Л. Харченко

Н. Храброва

М. Цебоев

Б. Чешко

Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила денежными премиями и грамотами лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1968 года.

Н. АДАМЯН. Рассказ «Проигрыш на бегах» (№ 10); Е. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Статья «Заглянем в год 2000-й» (№ 34); Ф. АЛИЕВА. Стихотворение «Зеркало» (№ 1); В. АСТАФЬЕВ. Рассказ «На далекой северной вершине» (№ 1); Л. БОРОДУЛИН. Фоторепортаж с Олимпийских игр в Мехико (№ 52); А. БОЧИНИН. Снимок «Мать героя» (№ 46); В. ВОЕВОДИН. Карикатуры (в ряде номеров); В. ВОРОНЦОВ, А. КОЛОСКОВ. Статья «Любовь поэта» (№ 16); В. ГИППЕНРЕЙТЕР. Фоторепортаж «Камчатские вулканы» (№ 27); Димитр ГУЛЕВ. Рассказ «Игра в государства» (№ 31); М. ДУДИН. Цикл стихов «Связь времен» (№ 42); Е. КАЦМАН. Статья «Три встречи с Лактионовым» (№ 2); Р. КОВАЛЕНКО. Повесть «Пешком в мамино детство» (№№ 1—3); Г. КУЛИКОВСКАЯ. Очерк «Кем буду я?» (№ 30); П. ЛЕБЕДЕВ. Статья «Достояние народа» (№ 30); Г. МАКАРОВ. Серия фоторепортажей на военно-патриотическую тему; И. МАШБАШ. Цикл стихов «Моя любовь, моя забота» (№ 51); И. МЕСХИ. Очерк «Мать солдата» (№ 23); А. ПАНФИЛОВ. Публицистика. «Трехцветная паутина» (№26); И. ПОПОВ. Статья «Пятна на музыкальном солнце...» (№ 40); Е. ПОПОВКИН. Рассказ «Графская кухарка» (№№ 24—25); К. С. ПРИЧАРД. Рассказ «Монгалили» (№ 40); В. ПУШКАРЕВ. Статья «Русская сокровищница» (№ 12); А. СЕРБИН. Серия репортажей из Вьетнама «Письма с опаленной земли» (№№ 4, 6, 7); В. СИДОРОВ. Стихотворение «Свадьба» (№ 2); Ю. эс-СИБАИ. Рассказ «Весельчак» (№ 37); Б. СТРЕЛЬНИКОВ. Публицистика. «Смерть сенатора» (№ 33); Н. ТОМСКИЙ. Статья «Щедрость таланта» (№ 51); Л. ФЕДОРОВА. Рассказ «Лялькины города» (№ 51); В. ФИРСОВ. Поэма «Республика Бессмертья» (№ 35); М. ХАЛФИНА. Повесть «Что старикам надо» (№№ 14, 16—18, 20, 21); Л. ХАРЧЕНКО. Публицистика. «Раздумья трубоэлектросварщика Новомосковского металлургического завода о времени, о друзьях, о себе» (№ 25); Н. ХРАБРОВА. Очерк «Эдик и Садко» (№ 39); М. ЦЕБОЕВ. Очерк «Адресат известен» (№ 17); Б. ЧЕШКО. Рассказ «Солдат — хозяин» (№ 36); Л. ШЕРСТЕННИКОВ. Фотоочерк о хирурге Н. Амосове (№ 4); В. ШОШИН. Цикл стихов «Что такое счастье» (№ 48). П. ГЛИНКИН. Статьи «У карты былых сражений» и «Уроки любви и ненависти» (№№ 35, 51); Л. САБО. Публицистика. «Обмен идей? Нет, диверсия!» (№ 30).

руку, он позволил свести себя с крыльца к поджидавшему такси. Водитель кисло посмотрел на него.

— Он болен,— сообщил я.

— Гм-м...

Открыв дверцу, я затолкал Джейми в машину. Он сразу же повалился на сиденье и захрапел. Я назвал водителю первый пришедший мне в голову адрес в Бруклине и вручил ему десятидолларовую бумажку.

— Не высаживайте его из машины, пока не приедете на место,— сказал я.— Бедная мама давно поджидает его.

— Гм-м,— промычал водитель и уехал.

Приподнятое настроение, короткое время владевшее мною, прошло, и я снова почувствовал себя подавленным. Мне хотелось поскорее бежать с этой отвратительной улицы и никогда больше не вспоминать об Анжелике. Но у меня были ее ключи, а моя сумка стояла у нее в гостиной.

Анжелика сидела в кровати, но пистолета я не заметил. Очевидно, она положила его под подушку.

— Ну, сегодня ты можешь его не опасаться,— обратился я к Анжелике.

— Ты не сделал ему больно?

Мне хотелось крикнуть: «Несколько дней назад он пытался тебя задушить, а ты беспокоишься, не сделал ли я ему больно!»

— Нет, я не сделал ему больно,— сказал я и тут же сочинил историю о том, как уговорил его отправиться домой. Не знаю, поверила мне Анжелика или нет. Впрочем, это меня не интересовало.

Некоторое время я стоял у кровати, уставившись в стену. Молчала и Анжелика.

— Я не хочу вовлекать тебя в эти дела,— заговорила наконец она.— Совсем не хочу.

— Ничего, ничего.

— Но если бы ты только знал его. Он очень мил. Все эти глупости... Он просто насилует себя. Он же...

Внезапно она разрыдалась. Я заставил себя взглянуть на нее. Она лежала на боку, уткнувшись в подушку. Ее черные блестящие волосы разметались. Она рыдала так безудержно, словно ни на что уже не надеялась. Но даже и в эти минуты она оставалась красивой. У меня мелькнула мысль, что за все годы нашей совместной жизни я ни разу не видел ее плачущей. Меня охватили воспоминания, моя решимость исчезла, и я почувствовал, что вопреки всем благим намерениям и голосу здравого смысла меня по-прежнему неудержимо влечет к ней. Она оставалась частью меня, как Бетси и как Рикки.

— Анжелика...

— Уйди!

— Анжелика...

Она привстала с подушек и резко повернулась ко мне. Злость и ожесточение изуродовали ее лицо, сделав его безобразным и незнакомым.

— Прочь! Возвращайся к яхтам и «кадиллакам» своих Кэллингхемов. Они уже постукивают ногами от нетерпения.

Чары развеялись. Мне здесь нечего делать. Эта психопатка, без ума влюбленная в пьяницу-неврастеника, собиравшегося ее убить, стала мне совсем чужим человеком. Мне показалось, что я чудом спасся от несчастья.

— Прощай, Анжелика.

Не оглядываясь, я выбежал в гостиную, бросил на стол ключи, схватил свою сумку и ушел.

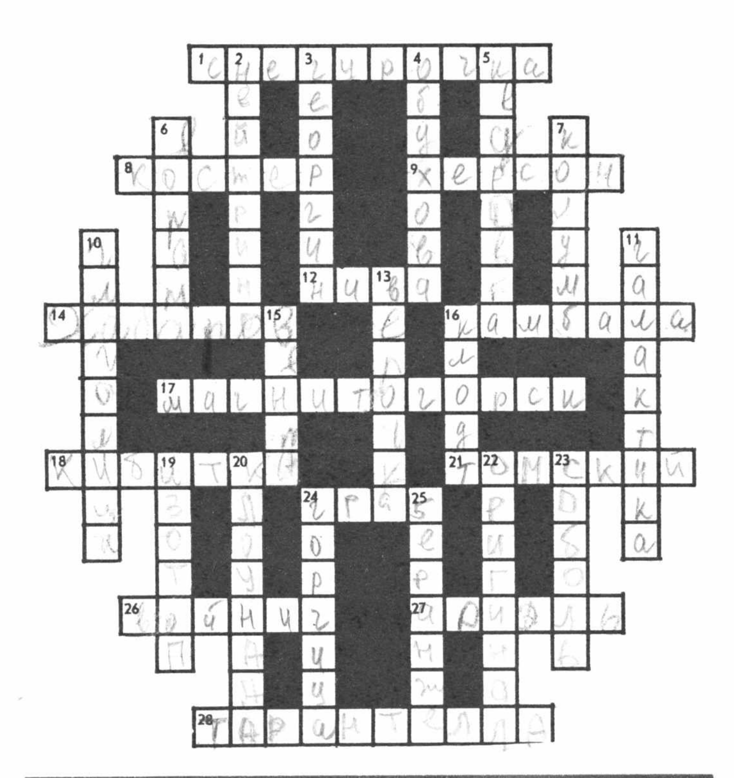
На углу Шестой авеню мне попалось такси. Усаживаясь в машину, я посмотрел на часы. Не было еще и часа. Неудавшееся рандеву с прошлым заняло меньше двух часов.

— Бикман-плэйс,— сказал я водителю.

Я уже видел себя дома, рядом с Бетси, снова в безопасности, в своем собственном мире.

Перевел с английского
Ан. Горский.

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Героиня русской сказки. 8. Роман К. Федина. 9. Морской и речной порт на Украине. 12. Засеянное поле, пашня. 14. Русский землепроходец XVII века. 16. Промысловая рыба. 17. Город на Урале. 18. Крытая повозка. 21. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама». 24. Лиственное дерево или кустарник семейства березовых. 26. Автор романа «Овод». 27. Спутник планеты Уран. 28. Итальянский народный танец.

По вертикали:

2. Элементарная частица. 3. Цветок. 4. Певица, народная артистка СССР. 5. Птица. 6. Басня И. А. Крылова. 7. Выдающийся мореплаватель. 10. Азбука старославянского языка. 11. Звездная система. 13. Рассказ А. П. Чехова. 15. Река, впадающая в Балтийское море. 16. Скульптор, создавший конные группы на Аничковом мосту в Ленинграде. 19. Разновидность атома одного и того же химического элемента. 20. Вид циркового искусства. 22. Подлинник. 23. Пушной зверь. 24. Однолетнее масличное растение. 25. Французский писатель-комедиограф.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52.

По горизонтали:

5. Ковалевская. 8. «Турандот». 9. Карусель. 11. Беляк. 13. Остап. 15. Домкрат. 17. Шайба. 18. Инари. 21. Токката. 24. Ангар. 26. «Львов». 27. Стендаль. 28. Гербарий. 29. Сейсмология.

По вертикали:

1. Родник. 2. Барокко. 3. Эскадра. 4. Карузо. 6. Дупель. 7. «Илиада». 10. Жуковский. 12. Ярмарка. 14. Сызрань. 15. Дебют. 16. Тонна. 19. Минута. 20. Оборин. 22. Окулист. 23. Телефон. 25. Руднев. 26. Лобзик.

На первой странице обложки: Фотоэтюд А. Бочинина.

На последней странице обложки: Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00528. Сдано в набор 10/XII-68г. Подписано к печ. 25/XII-68 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 15. Заказ № 3304.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Я — Дед Мороз!
— А я — в гараж!

Без слов.

У этого вратаря отец — хранитель музея.

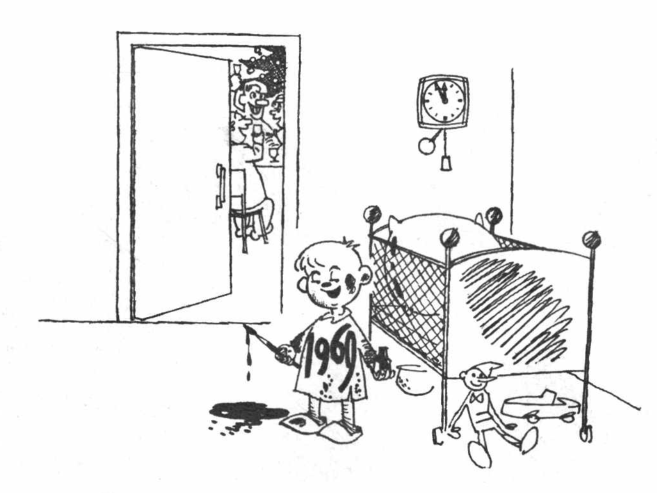

— Мама бережет прическу для праздника.

Следующий номер «Огонька» выйдет 11 января 1969 года.

— А вдруг промахнусь!

— Теперь-то уж никто не погонит меня спать.

— Открой, пожалуйста, на маскарад еду...

— Аня! Маня! Саня! Таня!..

— Я тебя долго просила купить для елки игрушки!

Чтобы дети не били игрушки.

Рисунки А. Алешичева, Б. Боссарта, В. Воеводина, А. Грунина, И. Сычева.

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.